

РОМАН СУРЖИКОВ

История
Монета
и Кварт
Том II

Книга 2019 года
по версии Fantlab

В номинации

"Лучший роман/авторский сборник отечественного автора"

Роман Суржиков
Стрела, монета, искра. Том II
Серия «Полари», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Полари – мир фантастического Средневековья. Суровые и жестокие нравы здесь соседствуют с диковинными ростками будущего, мечи и арбалеты – с первыми электростанциями и железными дорогами. Император Адриан ведет государство нелегким путем реформ и прогресса. Могущественные феодалы плетут изощренные интриги, поднимают мятежи в борьбе за власть. Церковь также пользуется огромным влиянием, ведь в мире Полари никто не сомневается в существовании богов. Боги не стоят в стороне: они шлют людям дары – непостижимые Священные Предметы. Писание гласит: в Предметах таится великая сила, способная исцелять болезни, управлять стихиями, разрушать преграды. Секрет этой силы утерян много веков назад...

Содержание

Монета	4
Стрела	38
Искра	78
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Роман Суржиков

Стрела, монета, искра. Том 2

Монета

*Май 1774 года от Сошествия Праматерей
Герцогство Южный Путь*

Двое суток на борту шхуны Хармона Паулу терзала тревога – налетала вспышками, как лихорадка, лишала аппетита и сна. Но когда он ступил на берег в Южном Пути, в приозерном городке, где оставил свой обоз, на душе сразу стало спокойнее. Все, кто мог знать тайну Предмета, остались по ту сторону озера, а торговца окружили привычные места и давным-давно знакомые люди. Светлая Сфера, обернутая в рубаху, мирно дремала за пазухой торговца и больше не буравила ему брюхо мрачными предчувствиями.

Хармон нашел обоз в полном порядке. Снайп с Луизой успели поторговать в отсутствие хозяина, и дезертир передал Хармону выручку. Вихоревы дети подскочили с расспросами к Полли – она успела полюбовиться им за недолгое время знакомства. Доксет подкрался к Хармону с осторожным вопросом:

– Хозяин, как оно сложилось-то, заработали монетку?.. – и Хармон тут же понял, что оставленные Доксету четыре агатки тот уже благополучно пропил.

А Луиза со своей крестьянской обстоятельностью спросила:

– Почему вышла шерсть? Сколько вы прикупили? А мешки где – еще с корабля не сгрузились?

«Какая шерсть?» – чуть не брякнул Хармон, но тут вспомнил: а и вправду, шерсть! Каждую весну, бывая в Уэймаре, Хармон закупал пару пудов роскошной ориджинской овечьей шерсти, что доставлялась кораблями по Морю Льдов и Торрею. Она выходила почти вдвое дешевле против той, которую купцы Южного Пути везли сушей. Переправив овчину через озеро и проделав сотню миль на юг в телегах, Хармон продавал ее в Альмере и выручал на этом неизменный десяток елен. Но в этот раз он напрочь позабыл о шерстяной ярмарке!

Торговец непроизвольно потерябил Священный Предмет, спрятанный под кафтаном, и ответил Луизе:

– Ярмарка гнилая в этом году – на Севере овечий мор или что-то такое. Овчины мало, и вся дорогушая.

– Так, может, и следовало прикупить? – прицепилась Луиза. – Коли овцыдохнут, шерсть растет в цене. В Уэймаре подорожала вдвое, а в Альмере, глядишь, и втрое вырастет.

– Говорю же: мало ее, и гнилая какая-то. Всегда снежная, а теперь – серая, да с желтизной, как рубаха нестираная. В

Альмере такая и даром не нужна. – И, заранее перебив дальнейшие расспросы, торговец добавил: – Но это не беда, я взял кое-что получше шерсти.

С тем он извлек на свет верительную грамоту с графской печатью. Люди сунулись поглядеть. Памятуя о том, что Джоакин пусть и скверно, но умеет читать, Хармон лишь махнул бумагой перед его носом, зато Вихорю с Луизой и Снайпом дал изучить ее как следует. Они все равно ни слова не поймут, но рассмотрят печать и сообразят, что дело важное. Так и вышло: все трое уважительно покивали и перевели на хозяина вопросительные взгляды.

– Граф поручил мне продать кое-какую земельку, – сказал торговец. – В Южном Пути есть несколько охотников до нее, а эта вот бумаженция – грамота на владение. Продадим ее – хорошо заработаем. Дело пахнет десятком-другим золотых.

– Землей, значит, теперь торгуем... Лордикам помогаем... – проворчал Снайп и посмотрел хмуро, исподлобья.

Он терпеть не мог лордов-землевладельцев. Один из этой породы несколько лет держал Снайпа в войске, не отпуская домой к жене и малым детям. А позже, когда Снайп сбежал, лорд отнял у его жены две трети надела: без мужа, мол, ты и треть не возделаешь, а коли муж вернется – все равно повесим, так что земля, мол, тебе теперь без надобности.

– Только один раз, – примирительно молвил Хармон. – Ты же видел, как оно: граф меня личным письмом вызвал, не мог же я отказать! Да и деньги ему нужны на благое дело.

– Это какое же? – сверкнул глазом Снайп. В благие дела, творимые лордами, он не верил.

– Жена у него... – начал Хармон и понял, что про невестин выкуп говорить-то как раз не стоит. – Леди Иона желает открыть госпиталь, помогать увечным и хворым. Вот на это денежки и понадобились.

– Добрая душа, – сказала Луиза, Вихорь кивнул.

Джоакин тоже согласился, хотя и покривил губы. Один Снайп недоверчиво покачал головой. Спорить он не стал, но видно было, что чует подвох в словах хозяина. Ну и пусть себе, решил Хармон. Не веришь – так не верь. Правда все равно настолько диковинна, что ты ее в жизни не угадаешь!

Вскоре обоз тронулся в путь.

Городок мало чем был примечателен. Протискиваясь его улочками, Хармон видел все, что обыкновенно увидишь в небольших городках. Очередь у колодца галдит и хихикает, добрая половина ее – дети. Толстая женщина ведет по улице худосочного мужичка, щедро награждая его тумачами. Он, похоже, пьян в стельку: то и дело спотыкается, и жене приходится ловить его за шиворот. Двое подмастерьев спешат куда-то с увесистыми котомками за плечами, но все же находят время задержаться и поглазеть на мрачного старикана, прикованного к позорному столбу. На церковной паперти несколько нищих просят милостыню: у одного сухая рука, у другого – следы пчелиной напасти на лице, его сторонятся.

Над переулком полощется на ветру выстиранное белье; две соседки – носатая старуха и веснушчатая молодка – неторопливо бранятся, высунувшись в раскрытые окна. На мосту, у бочки уличного торговца пивом, собралась кучка горожан, кто-то возмущается – видать, пиво жидковато... Словом, обычная жизнь, обычные люди, да только глядел на все это Хармон другими глазами. Еще совсем недавно ровнял бы себя с этими людьми: он лишь половчее слегка, а так – такой же, ничем не особенный. Но теперь Хармон смотрел на мещан словно бы со стороны и сверху, как будто из окна верхнего этажа собственного дома. А вот, кстати, и дом неплохой: трехэтажный, четыре окна на площадь, второй этаж выдвинут на колоннах, нависая над улицей. Там, под навесом, лотки можно поставить, если вдруг захочется поторговать по старой памяти. Фасад расписан слегка игриво: голая женщина льет воду из кувшина, птички порхают, здесь вот козочка с золотыми рогами. Это хорошо, когда дом выглядит радостно. Не то что какие-нибудь мрачные гербы с оскаленными волками или когтистыми нетопырями! Интересно, сколько стоит этот дом? Пожалуй, сотни три...

Способность считать в уме быстро и незаметно для окружающих – часть мастерства торговца. Люди не любят, когда ты слишком расчетлив. Положим, продаешь ты фунт чаю за тридцать шесть агаток, а богатый покупатель говорит: «Возьму семь фунтов. Почем отдашь? Сколько скинешь от суммы?» Если начнешь хмурить брови, шевелить губами, про

себя числа проговаривая, да еще, чего доброго, счета достанешь – покупатель скривится, подумает: «У-у-у, какой скупердьяй! Каждую монетку считает. Пойду-ка лучше других торгашей поспрашиваю, у них дешевле выйдет». Совсем иное дело, если мгновенно прикинешь в уме, что прибыль твоя на этой продаже – сотня с гаком агаток, и двадцать из них можно и скинуть, но лучше – не двадцать, а десять. А для ровного счета – восемь, это как раз одна серебряная глория выйдет. И вот, не моргнув глазом, считаешь все это в уме, и тут же, с широким таким взмахом рукой говоришь: «Кому другому – не уступил бы, но вам, добрый господин, – полновесную глаорию уступлю!» Тут уж покупатель твой, никуда не денется.

Хармон сидел на козлах телеги, полуприкрыв глаза, вполуха слушал, как бранятся в очередной раз Луиза с Вихорем, как Джоакин, пристроившись около задка фургона, толковывает что-то сидящей там Полли, как Снайп ворчит на встречных крестьян – с ними не разминешься на узкой дороге. Казалось, торговец безмятежно дремлет, разморившись от весеннего солнышка... однако он не дремал, а с легкостью, вызвавшей бы зависть у многих студентов, суммировал, перемножал и делил в уме.

Хороший дом на центральной площади где-нибудь, скажем, в Смолдене – три сотни. Для запаса возьмем четыре сотни: вдруг ремонт потребуется или продавец заартачится. Дальше – кони. Тройка верховых: один пусть будет рыжий

красавец-литлендец, чтобы городским толстосумам завидно стало, – это пара сотен. Потом, гнедой жеребец – западник, похуже с родословной, но выносливый и смиренный; и белая кобыла – ведь женюсь же я со временем, а жене белая лошадь хорошо подойдет. Эти двое станут мне, положим, в сотню эфесов. Потом, два экипажа: крытая карета и тарантас без верха, а к ним шестерка упряжных лошадок – три сотни... нет, три с половиной пускай. Карету ведь захочу знатную, со стеклами, медными украшениями и фонарями. Сарай для конюшни понадобится – это недорого, хватит дюжины эфесов. Построю баню... нет, лучше – купальню! Как на юге делают: мраморная такая круглая изба вроде часовенки, посредине – большая лохань с горячей водой, вокруг – лавки, покрытые коврами, чтобы полежать, а по стенам и потолку – резные узоры. Красиво! Ни у кого в городе больше такого не будет. Во что обойдется? Ну, сотни полторы, пожалуй. Может, две...

Обоз катил среди полей, бело-розовых от гречневого цвета. Луиза назвала Вихоря старым ослом, которому в башку четыре ржавых гвоздя вбили, плюнула и ушла в заднюю телегу. Снайп вытащил откуда-то вяленого озерного карасика и принялся грызть. Рыбешка благоухала еще похлеще, чем давно не стиранная рубаха охранника. Джоакин рассказывал Полли про Запад, с мечтательным видом ронял слова: простор, лихие кочевники, кони, свобода... Девушка ахала и чистила для него яблоко.

А Хармон Паула Роджер вел дальше свою думу: нужны будут слуги. Повар с поваренком, пара лакеев, пара горничных, пара конюхов, кучер. Да еще охранников человека три. Немаленькая компания вышла! Сюда же докину пропитание для всех, овес и сено лошадям. Обойдется в полдюжины эфесов за месяц. Это значит, восьмисот золотых хватит с лихвой на десять лет вперед. И потом, хотел я винный погреб открыть: значит, прикупить дом с подвалом, запастись вином, людей нанять... сотни в полторы обойдется. Сколько же выходит общим счетом?

Выходило две тысячи двести золотых эфесов за все про все. Если продать Священный Предмет за четыре тысячи, то останется тысяча восемьсот монет. Плюс те триста пятьдесят, что скоплены на банковском счету. Две тысячи сто пятьдесят золотых – свободных! Просто, на жизнь!

– Знаешь, – сказала Полли Джоакину... Это когда же они на «ты» успели перейти? – Знаешь, стыдно сказать, я в седле никогда не сидела! Выросла в городе, его по кругу за час пешком обойдешь. Верховых лошадей в Ниаре только вельможи держали.

– А что, если я научу тебя? – Воин наклонился к ней и подмигнул. – Хочешь?

– Еще бы!

– Тогда давай ко мне!

Он подхватил ее, и Полли очутилась на спине Джоакиновой кобылы, впереди воина. Он отдал девушке поводья и на-

крыл ее ладошки своими руками.

– Удобно сидишь? Чувствуешь лошадь?

Надо полагать, Полли чувствовала не только лошадь, а и кое-кого поинтереснее – она прижалась спиной к груди Джоакина и порозовела от удовольствия. Парень ударил кобылу пятками и пустил рысью, они вырвались вперед обоза.

Хармон смотрел им вслед из-под приопущенных век и завершал подсчет. Сколько лет мне еще отмерено на свете? Это вопрос неясный, но, положим, боги милостивы будут и тридцать весен еще повстречаю. Значит, если распределить остаток денег на эти годы, то выйдет у меня по семьдесят эфесов на год, или по шесть на месяц. И это – не считая доходов от винного погребка! Глядишь, и все десять наберутся! Торговец не сдержал улыбки. Десять золотых в месяц – на прихоти, забавы, нарядные кафтаны, вкусные вина, яркие свечи, на певцов и девочек! Эх, заживу! Тьма, прав был граф Виттор, прав как черт: все теперь по-новому будет. Начнется новая жизнь Хармона Паулы Роджера! Точней, начнется через месяц-другой – сразу, как продам Предмет.

Джоакин с девушкой ускакали далеко вперед и свернули с дороги в поле. Белокурые волосы Полли растрепались, ветер донес до Хармона девичий смех. Торговец почесал грудь и понял, что в картинке его новой жизни одна деталь еще не прорисована как следует: жениться нужно, вот что.

Из четырех возможных покупателей, чьи имена назвал

граф Виттор, двоих Хармон решил навестить в первую очередь. Причина проста: эти двое находились ближе других – здесь, в герцогстве Южный Путь. Барон Хьюго Деррил – доверенное лицо герцога – жил в столице Южного Пути, Лабелине. Гобарт-Синталь – успешный купец-корабельщик – обретался в Солтауне, порту на Восточном море. Хармон Паула Роджер решил начать с Гобарта. Барон Деррил слишком могуществен, к тому же за ним ходит слава жестокого и мрачного человека. А Гобарт-Синталь – торговец, хоть и богатый, с ним Хармон быстрее найдет общий язык.

В Солтауне Хармон прежде не бывал, как и все его спутники, так что пришлось выспрашивать дорогу. Крестьяне, что в жизни не ходили дальше трех миль от своего села, в качестве объяснения только махали рукой примерно на восток:

– Солтаун?.. Кажись, там вот, где-то за холмами, в лесу...

Зачуяв неладное, Хармон уточнял:

– Как это – в лесу? Солтаун – морской порт.

– Ах, порт!.. Ну, тогда, знамо дело, на море! Чего ж ты спрашиваешь?

Слова «на море» крестьяне произносили так, словно это было ясное и точное описание местоположения города. Ничего, что морской берег тянется вдоль всего восточного края герцогства – миль двести.

Под вечер они встретили мельника с двумя телегами муки. Тот выглядел знающим путником и уверенно заявил, что

ехать надо мимо разваленной церкви налево, пересечь ручей, обогнуть пастбища Хмельного лорда, миновать две деревеньки – Верески и Бычий Рог, а там уже начнется прямой тракт до Солтауна.

Хармон со своими людьми двинулся налево мимо разваленной церкви и переночевал у ручья. Ручей оказался полноводным и чистым, и вечером Полли зачем-то громко объявила, что идет купаться, а вскоре после того куда-то исчез Джоакин. Утром обоз двинулся дальше, обогнул пастбища, что оказались вовсе и не пастбищами, а вересковыми полями, миновал две крохотные деревеньки, и тут у Хармона закралось неприятное подозрение. Солнце упорно светило в спину, что означало, что двигались они на север, а надо ведь на восток! Остановились, призадумались. Джоакин и Снайп отправились в разные стороны получше разузнать дорогу. Снайп вернулся ни с чем, зато Джоакин повстречал почтового курьера, скачущего с севера, из Клыка Медведя.

– Солтаун? – устало хохотнул курьер. – Продолжайте той же дорогой, и скоро вам мишки станут попадаться. Вы в Нортвуд едете, а не в Солтаун.

Северянин знал правильный путь, но, измученный многодневной ездой, был немногословен. Сказал лишь, что следует вернуться к развалинам церкви, а от них двигаться на восток, через земли сира Вомака.

– Уж не Бен ли это Вомак? – переспросил Джоакин. – Какой у него герб?

– А я тебе герольд, что ли? – буркнул северянин и ускакал. Джоакин, пересказав все Хармону, добавил со скромной важностью:

– Я знавал одного сира Бена Вомака. Он был в войске графа Рантигара, как и я. Его герб – три желудя и чаша.

Раньше торговца забавляло смотреть, как молодой воин похвастается при каждом удобном случае, но сейчас отчего-то Хармон скривился. А вот Полли улыбнулась и ахнула:

– Так ты знаешь здешнего лорда?

– Ну, не совсем близко... Просто служили в одном войске.

– Не пригласит ли он нас на обед?

– Может статься.

Обоз двинулся обратно, потеряв два дня пути. Ночевать у ручья в этот раз Хармон не захотел. Протянули дальше, уже затемно остановились среди поля. Большая часть свиты уснула сразу после ужина, расположился на ночлег и Хармон, но сон почему-то не приходил. Дело в Предмете? Он потербил Светлую Сферу, сунул руку внутрь свертка, погладил теплое стекло, что не было стеклом. Нет, с Предметом все хорошо – он на месте, спокойно дремлет в своем гнездышке, свитом из льняной рубахи. И никто во всем Южном Пути понятия не имеет, какой груз везет Хармон-торговец. Теперь Хармон был в этом совершенно уверен: как-никак, два дня пути по безлюдной дороге – если кто и хотел бы напасть на них, уже напал бы. Так отчего бессонница? Пожалуй, оттого что Джоакин с Полли все еще не улеглись: сидят

вдвоем у костра и шепчутся о чем-то. Тихо так воркуют, ни слова не разобрать... а жаль. Хорошо бы услышать, что он ей плетет. Хотя на кой черт слушать? И так понятно: излагает в подробностях, какая славная воинская жизнь его ждет. Неровен час, начнется где-нибудь очередная война, Джоакин тогда наймется в войско к одному из лордов. Там, понятное дело, отличится, ратных подвигов насосвершает, рыцарское звание получит. После войны станет жить у лорда в замке, служить в его гвардии. Земельку получит, деревеньку-другую. Потом новая война – в ней Джоакин хорошую добычу возьмет, сможет замок себе выстроить. Ворота гербом украсит – давешним сердцем, из которого меч торчит. Хм. Полли-Полли, бедная мещаночка, ты в этих рассказах главного смысла не замечаешь. А он, смысл, таков: когда ты понесешь от своего распрекрасного Джоакина, он сядет себе на коня – и ищи ветра в поле. Воину на месте сидеть не полагается, ага. А барышне с ребеночком в походе не место, так что прощай, дорогая. Дадут боги, еще свидимся.

Завидую я ему, что ли? – спросил себя Хармон и тут же отнекался: еще чего! Меня ждут четыре тысячи эфесов! Роскошный дом, купальня, винный погреб, огненный красавец-литлендец. А у молодчика этого впереди – похлебка из солдатского котла, задница, натертая седлом, да шрамы на шкуре. Глупышка Полли... Четыре тысячи...

Наконец Хармон уснул.

После полудня обоз торговца въехал в земли сира Вомака. Они поняли это, когда увидели маячащий на холме за рощей небольшой замок, точнее – укрепленный особняк со знаменем над крышей. Эмблемы было не рассмотреть, но Джоакин почему-то уверился:

– Видать, это он, сир Бен. Заехать, что ли, на огонек?

Заезжать в гости к лорду без приглашения – скверная мысль, и Хармон собрался сказать об этом охраннику. Почти уже придумал подходящую к случаю остроту, когда заметил группу всадников, выехавших из рощи на дорогу. Они направились было в сторону замка, но тут один указал остальным на обоз путников. Вся группа повернула навстречу Хармону.

Их было семеро. Впереди ехал, видимо, здешний лорд – судя по гербовым наручам на его предплечьях. За ним следовала шестерка сквайров в темно-зеленых камзолах. Вооружены они были луками, копьями и длинными кинжалами, лишь у лорда имелся меч. Видимо, отряд возвращался с охоты, только улов их был удручающе мал: по паре заячьих тушек болтались у седел двоих сквайров. Нехорошее предчувствие посетило Хармона.

Отряд охотников преградил дорогу обозу и остановился.
– Вы кто такие? – осведомился лорд.

Джоакин, стоявший впереди, сказал было:

– Здравия вам, сир Бенджамин! Я...

Лорд перебил его:

– Ты – главный?

– Нет, сир.

– Тогда кто главный в этом сборище?

Хармон поднялся на козлах.

– Я главный, ваша милость.

– Слезай с телеги и иди сюда.

Хармон спрыгнул и подошел к лорду. Теперь он заметил, что на лорде под камзолом надета кольчуга. Зачем кольчуга на охоте?.. Может быть, они шли на вепря? А подстрелили только парочку зайцев – нехорошо это, ох, нехорошо.

– Кто ты таков? – спросил лорд, глядя на Хармона сверху вниз.

– Я – Хармон Паула Роджер, торговец. А это – мои люди, ваша милость.

– Засунь свою милость поглубже, я не граф! – рявкнул лорд. – Меня зовут сир Бенджамен Вомак.

– Очень рад знако...

– Мне плевать, рад ты или нет.

Если Джоакин знает этого Вомака, самое время ему вмешаться, подумал Хармон. Однако Джоакин молчал. Если он и не соврал о своем знакомстве, то явно не ожидал столь холодного приема. Лорд вел допрос дальше:

– Куда вы?

– В Солтаун, что на Восточном море.

– А откуда?

– Мы прибыли через Дымную Даль, из Шейланда...

– Пфф! – фыркнул один из сквайров. Он нес за плечами большой рыцарский щит и, видимо, служил сиру Вомаку оруженосцем. – Никакие они не шейландцы! Угрюмый хмырь на козлах родился в Блэкморе, толстяк – из-под Алеридана, а блондиночка – из Северной Короны. По розам вижу.

Сквайр поочередно указал пальцем на Снайпа, Хармона и Полли. Как назло, он довольно точно угадал их родные земли.

– Врете, значит?

– Не врем, милорд! Мы не шейландцы, это верно. Были в Шейланде по торговым делам, теперь везем товар в Солтаун.

– Вы знаете, что находитесь на моей земле?

– Да, милорд. И мы с радостью оплатим вам дорожную пошлину!

Хармон не врал. Он и вправду был бы очень рад, если бы дело ограничилось лишь дорожным сбором, пусть даже в двойном размере. Однако лорд отрезал:

– Думаешь, мне нужны твои жалкие гроши?!

А что же вам нужно, милорд? – зачесалось на языке у Хармона. Да только он прекрасно знал ответ. Семеро здоровенных охотников зря пропотели весь день, продираясь сквозь лесную чащу, и теперь с пустыми руками возвращаются до-

мой. Настроение у них – хуже некуда. «Прячься в погреб, когда лорд зол. Не вылезай, пока не похорошеет», – так крестьяне говорят.

– Милорд, мы готовы...

– У вас там, в Северной Короне, сизый мор, – медленно процедил сир Вомак. – Хворые от вас толпами прут, как саранча. Спасу нет!

– Милорд, мы не из Северной Короны идем!..

– А мне почему знать? Давайте, вылезайте из телег.

Он махнул рукой сквайрам. Трое поняли хозяина без слов и двинулись вдоль обоза, покрикивая:

– Все, кто есть, вылезайте! Прочь из фургонов!

Снайп сунул было руку за скамью, где у него лежала секира, но один из сквайров мигом приставил копьё к его шее и вынудил спрыгнуть на землю безоружным. Вскоре люди сира Вомака согнали с телег и выстроили в ряд всю Хармонову свиту. Лишь Полли оставалась в седле, но вот оруженосец лорда добрался и до нее:

– Дамочка, позволъ-ка, помогу тебе.

Он протянул к ней руку, в тот же миг Джоакин схватился за рукоять меча, и два копьёя уперлись ему в грудь. Молодой воин замер, оруженосец Вомака подхватил Полли и пересадил к себе в седло.

Лорд неторопливо проехался вдоль строя.

– Ну что, хворые есть?

– Какие мы хворые? – спокойно ответила Луиза. – У хво-

рых морды синие и губы пухнут, потому и зовется сизый мор.
– Знахарка нашлась! – хохотнул оруженосец. – Хозяин, я вот другое слышал. Говорят, у баб от сизого мора сиськи синеют.

– Правда?.. – переспросил лорд с ухмылкой.

– Истинная. А у мужиков – яйца.

– Придется проверить. Раздевайтесь! Ну же, тряпки долой!

Хармон обомлел. На груди его, под кафтаном, покоился в свертке Священный Предмет!

Один из охотников тем временем залез в фургон, раздался треск – он сбивал замки с сундуков.

– Хозяин, тут какие-то пахучие мешки.

– Это чай, милорд! С Юга, из Шиммери! Прекрасный напиток, позвольте мы угостим вас, – пояснил Хармон, надеясь отвлечь внимание Вомака от затеи с раздеванием.

– Чай? Ну-ка, бросай сюда.

Сквайр бросил фунтовый мешочек лорду, тот мгновенно выхватил меч и разрубил мешочек в полете. Чайные лепестки разлетелись облачком.

– Еще! – потребовал сир Вомак.

Сквайр бросил второй мешочек и третий, их постигла та же участь. Хармон стиснул зубы. Оруженосец лорда хохотнул:

– Охота на чай – забавно! Хозяин, позвольте и мне!

Сир Вомак бросил взгляд на оцепеневших людей Хармо-

на:

– А вы чего замерли? Велено было раздеться!

Луиза – кажется, единственная – все еще не утратила хладнокровия.

– Милорд, ваша правда, мы проезжали Излучину, да только это месяц назад было! Будь среди нас хворый, все бы уже перемерли. А в Шейланд ехали по вызову графа, у хозяина и письмо есть. Покажите им, хозяин!

– Экая грамотная селянка! – бросил один из сквайров и спешился. Подошел к Луизе: – Давай-ка я лучше тебе раздеться помогу!

Вихорь ступил вперед и поднял руки, будто намереваясь защитить жену. У Хармона сердце упало: сейчас сквайр про ткнет бедолагу насквозь! Однако Вихорь оказался умнее – он сорвал с себя рубаху и взялся за платье Луизы.

– Не надо, милорд, мы сами. Давайте, мы сами...

– А я помогу блондиночке, – сказал оруженосец и потянул тесемки на корсаже Полли. Девушка тихо ахнула.

Нужно остановить это! Нужно это остановить! – стучало в голове у Хармона, но он не мог ни пошевелиться, ни раскрыть рта. Даже не страх – животный ужас поселился на груди, в свертке из льняной рубахи. Сир Вомак – будь он проклят! – смотрел почему-то не на Луизу и не на Полли. Угрюмым взглядом он буравил Хармона Паулу, целясь в переносицу – всего футом выше свертка на груди.

– А тебе, толстяк, особое приглашение нужно? Скидывай

шмотки! Поглядим, какого ты цвета.

Деревянные колени Хармона со скрипом согнулись, он сел, принялся стягивать сапоги. Сперва снять обувь, потом штаны. Может, что-то надумаю, пока дело дойдет до кафтана. Но что надумаю? Схватиться и бежать? Куда там! Убежишь от конных! Показать им графскую грамоту? Так ведь это лишний повод головорезам порешить нас всех до единого! Всех в этой роще закопают, даже мелкую Сару – лишь бы граф не узнал, куда подевалась его святыня! Тогда раздеться? Позволить ему увидеть Сферу? Авось не поймет, что за штука... Нет, какое там – не поймет! Я с первого взгляда понял!.. Боги, помилуйте меня. Боги, помилуйте!

– Ты что там шепчешь? – рыкнул сир Вомак. – Молишься?

– Это он просит у богов прощения за свое крохотное хозяйство! – вставил оруженосец. Сквайры заржали. Половина одежды Хармоновых людей уже валялась в пыли. Один Джоакин продолжал стоять полностью одетый и даже вооруженный: охотники, что стерегли его, отвлеклись на более интересное зрелище. Молодой воин сделал шаг назад, затем еще и, оказавшись в нескольких футах от копейных наконечников, громко сказал:

– Сир Вомак, меня зовут сир Джоакин Ив Ханна с Печального Холма.

– Сир Джоакин?... – уставился на него лорд. – Ты хочешь сказать...

– Я не закончил! – рывкнул Джоакин с такой силой, что

лорд от неожиданности умолк. – Я знаю вас, сир Вомак. Мы с вами вместе бились под знаменами графа Рантигара на Мельничном броде и у Трех Ив. Тогда вы еще были человеком чести.

Сир Вомак двинул коня к нему:

– Смеешь оскорблять меня, юнец? Я тебе башку снесу!

– Как раз это и хотел вам предложить, – с холодной улыбкой произнес воин. – Сир Вомак, я вызываю вас на поединок.

Внезапно лорд осознал, что веселая забава может обернуться опасностью для его бесценной жизни. Остановил коня, обвел взглядом своих сквайров, указал мечом на Джоакина, оставаясь, однако, в нескольких ярдах от него.

– А почему бы вместо этого мне не приказать своим людям нанизать тебя на копья?

– Потому, сир Вомак, что в таком случае ваши люди узнают, что вы, одетый в кольчугу, побоялись сразиться с бесподобным юнцом.

Лорд еще раз обежал глазами круг своих людей. Джоакин Ив Ханна никогда не был знатоком человеческой природы, но сейчас – благословенны будьте, боги! – он верно угадал настроение. Лордские сквайры – азартные молодчики, под стать самому Джоакину, – не имели ни малейшего желания просто быстро умертвить его: это скука. Иное дело – поглядеть на настоящий поединок, увидеть, как их сюзерен прочит наглеца. Вот зрелище получше охоты на вепря!

Сир Вомак заколебался. Джоакин сказал:

– Ну же, сир, приступайте! Или вы хотите, чтобы сия история закончилась так же, как Война за Мельницы?

Лицо лорда перекошилось от злости. Он спрыгнул с коня и протянул руку оруженосцу:

– Щит!

Джоакин выхватил клинок из ножен. Схватив щит, сир Вомак шагнул к нему и нанес первый удар. Джоакин парировал, но лорд тут же врезал ему щитом, отбросив назад и едва не сбив с ног. Парень устоял и едва успел поднять меч, как новый рубящий удар обрушился на него. Клинки с лязгом скрестились, Джоакин успел поставить блок, но замер на миг. Сир Вомак повернулся и ударил железным ободом щита прямо в скулу парню. Джоакин отлетел со вскриком, упал. Сквайры разразились смехом. Лорд ринулся к лежащему противнику, занося меч. Джоакин откатился в то мгновение, когда клинок Вомака рубанул дорожную пыль. Вскочил на ноги, исхитрился атаковать – безуспешно. Лорд принял его удар на щит и тут же ответным прямым выпадом вспорол рубаху, рассек кожу на боку. Брызнула кровь, вскрикнула Полли. Джоакин стремительно отступил, кровь текла по его лицу и ребрам.

Хармон сидел в дорожной пыли, босой, в развязанных штанах. Отчаяние как будто вдавило его в грунт, лишая возможности пошевелиться. На что надеялся несчастный юнец?.. Рыцарское звание не дается за красивые глаза! Сир Вомак – опытный боец, к тому же защищенный кольчугой

и дубовым щитом. Джоакин – считай, голый, с одним лишь мечом! Он продержится не больше минуты, потом лорд зарубит его. А после придет черед Хармона-торговца... Встань и беги в рощу! Они не смотрят на тебя, только на поединок... Однако побежать Хармон не мог. Какой там бег – даже подняться на ноги было непосильной задачей! Все, на что ему хватало сил, – это следить за боем. Наверное, так жертва смотрит на топор в руках палача...

Сир Вомак продолжал теснить Джоакина, осыпая ударами клинка и щита. Сквайры подбадривали сюзерена и насмешливым улюлюканьем встречали каждую новую промашку юнца. Уверенный теперь в своем превосходстве, сир Вомак принялся играть на публику. При каждом выпаде он приговаривал:

– Как тебе угощение, юнец? У Трех Ив тебя так угощали? А вот такое пробовал?

Джоакин бился, стиснув зубы. Единственным его преимуществом была скорость: кольчуга частично сковывала движения лорда, Джоакин двигался быстрее. Однако не настолько быстрее, чтобы зайти противнику за спину, а лобовые атаки оказывались не только безуспешны, но и опасны для самого Джоакина: сир Вомак щитом отбивал его клинок и контратаковал в тот миг, пока парень оставался беззащитен. Дважды Джоакин едва успел отпрыгнуть, в третий раз получил рану на плече.

– Ой, бедняжка! – крикнул сир Вомак, сквайры заржали.

Джоакин застонал и пошатнулся. Лорд шагнул на него и замахнулся для рубящего удара. С неожиданной ловкостью Джоакин метнулся в сторону, вражеский клинок рассек воздух. Воин оказался справа от лорда и нацелил меч в его неприкрытый щитом бок. Сир Вомак неуклюже взмахнул мечом наискось – не надеясь задеть противника, только отогнать его и выиграть время. Джоакин не отступил и не парировал – он присел. Клинок свистнул над его головой, а в следующий миг прямо перед носом парня оказалась открытая грудь лорда. Джоакин мог бы сделать выпад и, с божьей помощью, его прямой удар, возможно, пробил бы кольчугу... Но вместо этого молодой воин бросился на врага и прижался к нему, левой рукой вцепился в мечевую кисть лорда. Полуторный клинок Джоакина был бесполезен в такой сцепке, и воин... бросил его! Сквайры лорда загоготали, кто-то даже сострил:

– Хозяин, девчонка хочет с вами станцевать!

Лишь оруженосец смекнул, что к чему, и выкрикнул:

– Кинжал! Берегитесь!

Было поздно. Джоакин выхватил кинжал – тот самый, без очей – и со всего размаху вогнал в бедро сиру Вомаку. Отличная, дворянская вещица, благородная сталь! Клинок пронизал кольчугу и ногу лорда, тот охнул, упал на одно колено. Джоакин вырвал кинжал и полоснул Вомака по правому запястью. Пальцы разжались, лорд остался безоружен. Воин ступил ему за спину и прижал клинок к горлу.

– Благодарю за угощение, добрый сир. Мне оно по вкусу. А вам?

Сквайры стояли, разинув рты. Лишь двое из них подняли копьё, а один взялся было за лук, но Джоакин выкрикнул:

– Стоять! Копьё на землю, иначе ваш хозяин простится с жизнью.

Люди Вомака замешкались. Они не отказались бы услышать приказ хозяина, но кинжал был так крепко придавлен к его глотке, что лорд не смог бы раскрыть рта, не пустив самому себе кровь. Его лицо стремительно белело.

– Вы, господа, находитесь в непростом положении, – отметил Джоакин. – Сир Вомак истекает кровью, и если в ближайшее время вы не доставите его к лекарю, ему будет уже не помочь.

Это была правда: из раны на бедре кровь текла пульсирующими толчками, под коленом лорда расплзалась лужа.

– Вам не уйти, – процедил один из сквайров.

– Сиру Вомаку тоже, – подмигнул ему Джоакин. – А может, и еще кого с собой прихватим.

Воспользовавшись общим замешательством, Снайп метнулся к фургону и возвратился с секирой в руках. Когда кто-то из охотников услышал шаги и обернулся, дезертир вышиб копьё из его рук и замер, занеся оружие для удара.

– Чего хотите? – спросил оруженосец.

– Для начала, отпусти девушку.

Полли оказалась на земле и отбежала к остальным людям

Хармона.

– Теперь все оружие – в фургон.

– Что?.. Ты сдурел?

– У вас есть примерно две минуты.

Джоакин указал глазами на кровавую лужу у ног сира Вомака – она росла с пугающей быстротой.

– Делайте... – прохрипел лорд.

Один за другим сквайры пошвыряли копья и луки к колесам телеги.

– Теперь всем спешиться. Ты, – Джоакин указал на оруженосца, – можешь перевязать своего лорда.

Оруженосец бросился к сиру Вомаку. Джоакин убрал кинжал от горла, но поднял меч и остался рядом с лордом, держа клинок наготове.

– Ты, – воин глянул на другого сквайра, – вместе с оруженосцем отвезешь раненого к лекарю. Остальные привязывают своих коней к фургону и бегом на север, в поле, пока не скроются из виду.

Сквайры переглянулись, потрясенные подобной наглостью. Но теперь воспротивиться было сложно: уже и Доксет, и Вихорь вооружились топорами. Сквайры все еще имели преимущество в числе, но из оружия располагали только кинжалами. Вступив сейчас в схватку, они уж точно не выйдут без потерь. В ожидании подсказки они посмотрели на лорда. Сир Вомак был блее снега, в его глазах темнел отчаянный, смертный ужас. Оруженосец крикнул приятелям:

– Тут дела плохи. Не упирайтесь, выполняйте!

Один за другим охотники привязали коней к фургонам и неторопливо, нехотя побрели в поле.

– А ну, пошустрее! – заорал им в спину Снайп. – Или мне взять арбалет?

Когда оруженосец закончил с перевязкой, четверо пеших были уже далеко. От потери крови сир Вомак лишился чувств. Оруженосец вместе с оставшимся сквайром не без труда подняли его в седло, сквайр сел позади, чтобы держать. Оруженосец поймал под уздцы своего коня. Надо отдать должное: этот человек не тратил времени и сил на злобу, угрозы, обещания мести. Единственное, что его сейчас заботило, – спасение жизни сюзерена. Однако Джоакин задержал его:

– Ты помог Полли с одеждой. Дай-ка я помогу тебе взобраться на коня.

И двинул в челюсть рукоятью меча. Оруженосец поднялся, скрипя зубами, сплюнул кровь. Желание вступить в схватку – пусть и с кинжалом против Джоакинова меча – явно читалось на его лице. Однако он сумел сдержаться. Молча вспрыгнул в седло и двинулся в сторону замка. Сквайр, что вез лорда, поехал рядом. Вскоре они скрылись за поворотом дороги.

Никто не строил иллюзий насчет склонности сира Вомака прощать обиды. Было ясно: едва он придет в чувство, тут

же отправит людей в погоню. Оставалась надежда на то, что лорд еще долго не очухается или, с божьей помощью, и все помрет. Однако особенно уповать на это не стоило. Сир Вомак – мужчина крепкий, а ранения были кровавыми, но при должном и быстром уходе не слишком опасными.

Обоз повернул назад, в третий раз миновал развалины церкви и самым быстрым ходом, на какой были способны упряжные тяжеловозы, двинулся на север, через знакомый ручей. Эта дорога не вела в Солтаун, давая надежду, что здесь их искать не станут.

Погода помогла Хармону: начался весенний ливень. Снайпу, Вихорю и Доксету, сидевшим на козлах, приходилось несладко, однако верховым преследователям – и подавно. Мало удовольствия скакать в седле сквозь плотную водяную завесу, прозябнув до костей и не видя даже на пять ярдов вперед. К тому же вода превратила дороги в грязное месиво и стерла все следы.

Ливень налетал порывами еще несколько раз, а когда обессилел и совсем утих, стояла уже глубокая ночь. По всей видимости, погоня отстала и сбилась со следа. Путники расположились на ночлег.

Конечно, после схватки центром всеобщего внимания стал Джоакин Ив Ханна. Его осыпали восторгами, вслух припоминали и хвалили все его действия, финты, слова. Доксет раздобыл из какого-то неизвестного даже Хармону тайничка бутылку отменного орджа и налил герою полный кубок.

Луизу особенно впечатлило то, как уверенно держался Джоакин, командуя сквайрами, а Вихренка и Сару – то, как воин сказал поверженному лорду: «Благодарю за угощение, добрый сир». Похоже, дети были готовы повторять эту фразу без конца. Стоит ли упоминать о том, с какой нежностью Полли обрабатывала раны Джоакина, приговаривая слова благодарности. Один Снайп хмуро спросил:

– И чего же ты так долго раздумывал? Хотел сперва на Луизины сиськи поглядеть, а потом уж сражаться?

Важно и неторопливо Джоакин пояснил:

– Я-то мог и раньше убить подонка, не сомневайся. Но одно меня останавливало: убей я его – потом закололи бы нас всех. С шестеркой копейщиков мы бы не справились. Вот я и думал, как же выкрутиться, пока не смекнул, что нужно этого Вомака не рубить насмерть, а только ранить. А как надумал, так и сделал.

– Верное решение, – признал Снайп, – молодец. А зачем назвался рыцарем?

– Так ведь он иначе нашел бы зацепку, чтобы от поединка улизнуть. Дескать, ему бы честь не позволила биться с низкородным... Хотя какая там честь!..

– И это верно.

Хармон тоже поблагодарил Джоакина за спасение и обещал дать хорошую награду. Но слова вышли скомканными: недавний ужас все еще сидел в голове и путал мысли.

– А с чего это вы так перепугались, хозяин? – довольно

нахально спросил воин. – Давеча в лесу, при встрече с разбойниками, вы так не робели.

– Так ведь то шваль была, голодранцы, а это – лорд с васалами... – попробовал отговориться Хармон.

– Парень прав, хозяин, – влезла Луиза. – Я тоже прежде не видала, чтобы у вас настолько душа ушла в пятки, хотя мы с вами уже шестой год колесим. Вы словно язык проглотили. Отчего молчали? Отчего не показали графское письмо и грамоту? Граф пускай шейландец, а не путевец, но все важный человек. Глядишь, и отстали бы от нас.

– Видите ли, дорогие мои, – хмуро пояснил торговец, – нельзя нам кому попало показывать грамоту. Она большую ценность имеет, если ее прочтет тот, кому не положено, то захочет себе забрать. И нас порешить может, чтобы мы графу не донесли на него.

– Ага, – пробурчал Снайп. – Мало того, что мы помогаем лордам проворачивать их делишки, так еще и с опасностью для себя.

– Торговля – всегда опасность, – отбил Хармон.

– Но не такая! Когда это мы возили товар, за который могут перебить нас всех, даже детишек?

Джоакин был слишком счастлив, а Доксет – слишком навеселе, но остальные уставились на Хармона укоризненно и с подозрением.

– Я же сказал, это не надолго, – примирительно ответил торговец.

– Сколько еще?

– Ну, первый покупатель – в Солтауне. Двинемся в объезд, недели за две доедем.

– А если первый не купит?

– Тогда второй – в Лабелине, это еще неделя. Третий уже в Короне живет, но до него не должно дойти. Кому-то из первых двух я продам товар. Вы же меня знаете.

– Знаем... – процедил Снайп. – Сколько?

– Я же сказал – наибольшее, три недели.

– Нет, хозяин, денег сколько?

– Ну, как сторгуемся... Эфесов двадцать, может быть, нам достанутся, а остальное – графу.

– Двадцать золотых? Хармон-торговец рискует головой за двадцать золотых? Вы за год тридцать делаете!

Снайп искривил губу, обнажил резцы. Луиза склонила голову набок, внимательно глядя на торговца.

– Ну...

– Двадцать, хозяин?

– Ну... полсотни...

– Да-а-а?..

– Сто. Если сторгуюсь, как надо, выйдет нам прибыли сто золотых эфесов.

– Эх, хозяин... – Снайп сплюнул вбок. – Лорды врут, как собаки. Это не новость. Но вы-то купеческого роду!..

Вмешалась Луиза, будь ей неладно:

– А сколько нам из этих денег достанется?

– Вам? С чего бы? Я вам каждый месяц жалованье плачу, оно не зависит...

– Нас всех чуть не продырявили, вот с чего. Да не забудьте, это я уговорила вас поехать в Излучину и прочесть то письмо, а Джоакин спас вам шкуру и товар.

Хармон понимал: стоит единожды дать слабину – придется потом всякой прибылью с ними делиться. Но какая разница? Один черт, эта сделка – последняя.

– По два золотых каждому.

Луиза склонила голову, Снайп сказал: «Пф!..»

– По три. Луизе четыре, Джоакину – пять.

– И детям?

– Детям? Что они сделали?

– Рисковали, как и все.

– Ладно, детям – по эфесу. – Хармон повысил голос, пресекая дальнейший разговор. – И все, довольно! Надоели вы! Ложимся спать. Будете хорошо служить – может, после сделки еще чего добавлю.

Хармон проснулся утром от звуков, что доносились из задней половины фургона. Звуки были весьма характерного свойства. Они ясно давали понять, что Полли с Джоакином сумели уговорить Снайпа уйти спать в телегу к Доксету, а уютную норку между мешками в фургоне оставили за собой.

«Ну и дура! Купилась на хвостовство!» – хотел было подумать Хармон, но подумалось ему другое: «А ты посмот-

ри-ка лучше на себя глазами девушки. Кто ты будешь? Старый трус, скупердяй и обманщик, вот кто». В другое время было бы ему все равно, кто и что о нем думает. Но сейчас, под те самые звуки из-за ширмы, Хармон с досады принялся спорить сам с собою.

Скупость? Это не скупость, а расчет. Даже граф говорил, что расчет во всем нужен, а граф знает жизнь – иначе как бы он управлял восемью городами?..

Ложь? Ну, а как тут не соврать? Сказать людям напрямую, что ношу за пазухой сорок тысяч золотых? Ага, конечно! За такой куш сам же Снайп меня прирежет – с него станется!

Трусость? Так ведь не трус я. Все согласны, что не водилось прежде за мной такого. А в этот раз иначе вышло, потому что Предмет. Можно даже сказать, что не столько я за себя боялся, сколько за Него. Помереть и потерять святыню – это все равно, как умереть дважды. Даже хуже.

Хм. Так это что же ты, брат Хармон, хочешь сказать? Что Священный Предмет – творение богов – сделал из тебя труса и лжеца? Может ли быть такое, чтобы святыня портила душу человеку?.. Не знаю. Отец Давид – тот знал бы. Что бы он сказал на это?..

За полотняной ширмой и стенкой из ящиков с альмерской посудой сладко постанывала Полли из Ниара. Хармон думал с кислой миной на лице: я прекрасно знаю, что сказал бы отец Давид. Мы с ним говорили когда-то о Священных Предметах, и сказал он вот что: «Предмет – как зерка-

ло: отражает то, что есть в душе обладателя. Если ты славен и благороден, святыня отразит и преумножит твою славу и благородство. Так с Праматерями было. А если ты жаден и труслив, в Предмете жадность и трусость отразятся, многократно увеличенные».

«Нет, – сказал мысленно Хармон, обращаясь не то к себе, не то к святыне, – это не мое отражение, ошибка. Вот увидите: когда получу деньги, заживу иначе. К слугам буду щедр, с женой – честен. А еще хорошую сумму пожертвую на церковь. Монет сто... нет, даже триста!»

Полли ахнула за перегородкой, Джоакин не то застонал, не то зарычал, девушка ахнула вновь.

«Ага, я буду честным, щедрым, все такое. Праматери будут мной довольны... – завершил свою мысленную речь Хармон-торговец. – Но начну не сейчас, а чуток погодя. Сперва улажу некоторые дела».

Стрела

12 декабря 1773 года от Сошествия

Фарвей, герцогство Надежда, резиденция великого лорда

да

– Милорд Эрвин, я... м-м-м... рад, что вы нашли возможность принять мое приглашение. Будьте добрым гостем, разделите м-м-м... мою трапезу.

Эрвин ответил на приветствие, поклонился и сел. Герцог Генри Фарвей, лорд-землеправитель Надежды – худой стареющий мужчина с изрядной проплешиной на темени. Двойной подбородок и брыластые щеки отнюдь не скрашивают его внешность, а дополняет картину мерзкая привычка причмокивать губами перед тем, как начать говорить. Речь лорда Фарвея чем-то похожа на жвачку: каждую фразу он показывает на языке – и лишь затем выцедит сквозь зубы.

Однако Эрвин не заблуждался: этот тип, напоминающий пьянчугу или ростовщика, на самом деле – весьма осторожный и дальновидный политик. Его участие необходимо Эрвину. Герцогства Надежда и Альмера занимают самую середину материка. Пока центр империи единоклубен, он обладает огромным влиянием. В силах Надежды с Альмерой, если им заблагорассудится, расколоть государство на три отдельных куска, и, чтобы вновь собрать его воедино, владыке придется штурмовать дюжину весьма крепких замков, гос-

подствующих над дорогами.

Но если удастся склонить Фарвея на свою сторону, разрушить его союз с Альмерой – ситуация изменится в корне. Альмера сама по себе – весьма богатая земля, но не ключевая. Без Надежды герцог Альмера не сможет угрожать венценосной Фаунтерре блокадой и лишится значительной части влияния. Сильный, но отдаленный Ориджин, напротив, приобретет союзника в самом сердце государства – опору для удара в любом направлении.

– Для меня честь быть вашим гостем, лорд Генри.

– Это... м-м-м... взаимное удовольствие, лорд Эрвин. Сын Десмонда Ориджина – желанный гость в любом доме, преданном императору.

Невнятная речь герцога Фарвея изобиловала намеками. «Сын Десмонда Ориджина» – скрытый вопрос: от имени отца действует Эрвин или по собственной воле? «...Гость в любом доме, преданном императору» – предупреждение о позиции, которую займет лорд Фарвей.

– К сожалению, милорд, – с легкой улыбкой сказал Эрвин, – во мне мало сходства с отцом.

Я не разделяю позицию отца – что вы на это скажете, лорд Генри?

– Это вызывает у меня не столько... м-м-м... сожаление, сколько любопытство, – ответил правитель Надежды. – Не желаете ли вина? Я предпочитаю вина Альмеры – они

несколько своеобразны на вкус, но вполне м-м-м... достойны.

Второе предупреждение: лорд Генри предан императору и состоит в союзе с Альмерой. Что ж, это я знал.

– С удовольствием отведаю, милорд. Вы известны как тонкий ценитель вин. Направляясь сюда, я, грешным делом, надеялся отведать вина из ваших погребов и обсудить его вкус.

Прямой речью это звучало бы так: вы, лорд Генри, искушены в политике, потому я и прибыл к вам.

– Хо-хо, я – ценитель вин? Вы льстите, м-м-м... милорд. Я лишь держу несколько виноградников, но и не упускаю случая обзавестись парочкой бочек вина других земель.

Еще бы! Конечно, не упускаете!

Лорд Генри Фарвей получил власть над герцогством восемнадцать лет назад, после Шутовского заговора, уничтожившего Великий дом Лайтхарт. Генри Фарвей употребил все свои силы на то, чтобы восстановить богатство и влияние герцогства. Тогда, после заговора, Корона помышляла о том, чтобы вовсе упразднить герцогство Надежда как такое, разделить на куски и раздать преданным вассалам. Теперь Надежда воспрянула, крепко встала на ноги, уступала могуществом Альмере и Ориджину, но превзошла Литленд и Южный Путь. Как это удалось Фарвею? Просто: он никогда не упускал своей выгоды. Не было спорной ситуации, в которой Фарвей не продал бы свою лояльность одной из сторон. И не было договора, от которого он получил бы меньше

проку, чем новоявленный союзник.

Неожиданно лорд Генри добавил:

– Между прочим, о вас, лорд Эрвин, я также слышал немало.

– И что же? Любопытно узнать.

– Говорят, что вы... м-м-м... никудышный фехтовальщик, ни разу не участвовали в турнирах и, более того, вы, наверное, первый мужчина дома Ориджин, кто к вашим годам еще не обзавелся рыцарским званием.

Иными словами, вы меня ни капли не боитесь. Прекрасно, я и не думал запугивать. Эрвин широко улыбнулся:

– Все – чистая правда, милорд! Каюсь.

Лорд Генри причмокнул губами в ответ. Вероятно, это означало улыбку.

– Еще говорят, лорд Эрвин, что вы – лучший игрок в стратемы на всем Севере.

– О, стратемы – дело нехитрое, – отмахнулся Эрвин. – Просто переставляешь фишки и стараешься собрать их в стаю. У кого стая фишек выйдет больше, тот в итоге и побеждает.

– Метко сказано. Но ведь это не всегда так уж просто, верно?

– Да, лорд Генри. Взять хотя бы нынешнюю ситуацию. Владыка Адриан задумал великое и славное дело, но на его стороне удручающе мало фишек.

Эрвин заметил, как напрягся собеседник.

– Лорд Эрвин, я всей душою поддерживаю... м-м-м... реформы, предпринимаемые императором! Верю, что они принесут благо всей державе.

– Так же, как и брак императора с блистательной леди Аланис Альмерой?

– М-м-м... леди Аланис – прекрасный выбор. Сложно вообразить девушку, более достойную короны.

Иными словами, вы считаете, что я устраиваю вам проверку. О, нет! Все гораздо интереснее.

– Однако в конечном итоге выбор невесты – личное дело владыки, не так ли?

Брови лорда Генри дернулись вверх. Конечно, он удивлен: ведь ему хорошо известно, что Ориджин – союзник Альмеры, как и Надежда. С чего бы Эрвину говорить хоть слово против Аланис?

– Несомненно, – ответил правитель Надежды, – император... м-м-м... свободен сделать любой выбор. Но я уверен, что он проявит мудрость и заключит брак с достойнейшей из невест.

– Я же уверен, – отчетливо проговорил Эрвин, – что долг лордов – поддержать императора независимо от того, какой выбор он совершит. Вы согласны со мною?

– М-м-м... – Фарвей потеревил обвислый подбородок. – Владыка Адриан – почитатель альмерского вина, как и я. С чего бы ему делать какой-то иной выбор?

– Владыке Адриану альмерское вино насильно льют пря-

мо в глотку, и, сдается мне, он неплохо заплатил бы, чтобы избавиться от радости такого угощения.

– Вам... м-м-м... сдается, лорд Эрвин?

– Я вполне уверен в этом, лорд Генри.

Герцог Фарвей брезгливо поморщился, словно в его кубке оказалась ослиная моча. Хороший знак. Он пытается показать, как противно ему предложение Эрвина, а значит, намерен торговаться. Хотел бы отказать – просто отказал бы, не тратя сил на игру.

– И чем же... м-м-м... готов заплатить владыка за свободу выбора? М-м-м... мне любопытно.

– Лорд Генри, если, к примеру, один верный императору дом располагает двумя искровыми цехами, а другая, соседняя земля имеет лишь один искроцех, то это – явная несправедливость. Владыка готов устранить ее.

– М-м-м... не ново. Первый советник владыки высказывал такую мысль.

Конечно, Айден Альмера уже обещал Надежде второй искроцех за поддержку в пользу Аланис! Экий благодетель! Последнее десятилетие герцог Альмера отчаянно манипулирует императором, чтобы тот не позволял Надежде строительство плотины. Благодаря этому Альмера неизменно побеждает соседку в торговой войне. А теперь Айден наконец смягчает давление на Адриана, разрешает Надежде обзавестись вторым искроцехом и этим оплачивает лояльность Фарвея.

Тем не менее, теперь уговорить Генри Фарвея будет сложнее – искроцех уже обещан ему. Хитрый вельможа не изменит условий договора, пока не получит предложения получше.

Придется ввести в дело второй аргумент.

– Кроме того, – заговорил Эрвин, – император поощряет браки между его вассалами. Супружество скрепляет мир в государстве, упрочивает связи между землями...

– М-м-м... мудрая политика, – кивнул лорд Генри.

– И как удачно, – добавил Эрвин, – что ваша внучка, юная инфанта Лаура, принадлежит к роду Агаты.

Дети лорда Генри ведут род от Праматери Елены, но двое его внуков – в том числе прекрасная Лаура – имеют кровь Светлой Агаты. Поэтому намек более чем очевиден.

– Надо полагать, речь идет о браке с потомком Светлой Праматери?

– Надеюсь, инфанте Лауре придется по душе жизнь на Севере. Поверьте: нет на свете места прекраснее, чем Кристальные горы.

Лицо лорда Генри выразило скуку. Конечно, герцог Айден предложил ему не только искроцех. Слишком долго Альмера враждовала с Надеждой, одна плотина не сделала бы их друзьями. Чтобы сгладить вражду, нужен был брачный договор. Герцог Айден, несомненно, уже подыскал жениха для внучки лорда Генри. В столичной библиотеке Эрвин изучал рисунки династического древа Альмера, прикидывал вариан-

ты. По его расчетам, Айден мог предложить в мужья инфанте Лауре своего младшего сына – милого семилетнего мальчика без малейших надежд на наследство. Чтобы склонить лорда Генри на свою сторону, Эрвину следовало перебить ставку Айдена Альмеры.

– Север предлагает жениха для моей милой внучки? М-м-м... любопытно... – заговорил Фарвей без малейшего интереса.

Эрвин кивнул.

– Хэммонд, барон Нижней Долины? – скучливо предположил лорд Генри.

Эрвин покачал головой.

– Дастин Глория из Айсвинда, троюродный племянник герцога Ориджина?

Эрвин молча поднял глаза к потолку – бери выше. Во взгляде Фарвея появилось любопытство.

– Сын и наследник графа Флеминга?

Взгляд Эрвина вновь устремился вверх.

– Будущий сын Северной принцессы и графа Шейланда?..

Лорд Генри подался вперед. Эрвин улыбнулся и указал взглядом в потолок.

– Милорд!.. – выдохнул Фарвей. – Вы предлагаете... м-м-м... неужели?

– Я подумывал о женихе несколько более привлекательном.

Тон землеправителя переменился:

– Моя Лаура – прелестная девочка! Золотистые волосы, большие глаза, тонкая кожа... У нее легкий нрав, она часто смеется и шутит, способна вызвать улыбку даже на самом хмуром лице!

– Охотно верю, лорд Генри.

– И Лаура... м-м-м... отнюдь не глупа. Она быстро читает, легко впитывает любую науку. Хотя ей только двенадцать, ее никак не назовешь наивным ребенком.

– Рад это слышать, лорд Генри.

– К сожалению... м-м-м... лорд Эрвин, древние традиции Надежды не позволяют девицам вступать в брак раньше совершеннолетия.

– Я это знаю. Ничто не помешает отложить брак на четыре года.

– Хорошо, рад слышать это. Вероятно, вы желаете увидеть Лауру, поговорить с нею?

– Я знаком с инфантой. Мы виделись на зимнем балу.

– В любое время, когда пожелаете, вы сможете повидать ее, лорд Эрвин. Лаура прекрасно танцует, поет, у нее чудный голос. Она делает успехи в поэзии, учится рисовать, с девятилетнего возраста упражняется в верховой езде. Однако ее... м-м-м... образование еще не завершено. Как вы полагаете, какие науки могут пригодиться будущей невесте?

– Я придерживаюсь того взгляда, лорд Генри, что ум и эрудиция украшают девушку.

– Несомненно.

– Знания истории, географии, политики, а при возможности и точных наук, сделали бы инфанту прекрасной собеседницей и помощницей для будущего супруга.

– Ваши пожелания будут... м-м-м... тщательно учтены.

– Не стоит также отказываться от поэзии и живописи. Моя сестра, леди Иона, пишет стихи, достойные самого искреннего восхищения.

– Она послужит примером для моей внучки.

– А если бы девушка умела играть в стратемы, это придало бы ей исключительное очарование.

– Лаура получит наилучших учителей этой игры.

Эрвин кивнул и поднял кубок. Они выпили за здоровье инфанты.

Лорд Генри осторожно уточнил:

– Верно ли я понял, что мы говорим о... м-м-м... награде за мое преданное служение императору?

– Совершенно правильно. От вас требуется поддержать владыку осенью, при голосовании в Палате, независимо от невесты, которую он выберет летом. Как видите, я ожидаю от вас лишь тех действий, к которым призывает вассальный долг.

– А если владыка Адриан назовет своей избранницей леди Аланис Альмеру...

– ...Вы станете пред нею на колени и поклянетесь в верности. Суть в том, что если Адриан назовет другую невесту, то ваши действия буду точно такими же.

Генри Фарвей поднес к губам кубок.

– Я хочу напомнить... м-м-м... лорд Эрвин, что мы с вами пьем альмерское вино. Оно может забродить в желудках, если наши голоса окажутся не на стороне леди Аланис.

– Наши голоса будут на стороне императора, и едва ли кто-то сможет обвинить нас в этом. А если леди Аланис не сумеет вызвать в сердце государя теплых чувств, наша ли будет в том вина или ее собственная?

– Вы говорите верно, но альмерское вино бывает весьма... м-м-м... хмельным. Оно может ударить в голову и толкнуть на безрассудные действия... к примеру, лишит императора поддержки в Палате Представителей до тех пор, пока он не изменит выбора в пользу леди Аланис...

– Трезвый человек назвал бы такие действия шантажом. Если хмельное вино побуждает вассала шантажировать собственного господина, то лучшее, что может сделать вассал, – это сунуть два пальца в рот и очистить свой желудок. А затем перейти на напитки покрепче, вроде орджа или нортвудского ханти. Они бывают горьки, но никогда не вызывают рвоты.

Как и в беседе с архиепископом, Эрвин оставил решающий аргумент напоследок. Встать на сторону герцога Альмеры, пытающегося давить на владыку, – означает пойти на конфликт с императором и двумя могучими северными землями. Союз с Эрвином обещает лорду Генри не меньше выгод, но таит значительно меньше опасностей.

Лорд Генри Фарвей потер подбородок.

– Слухи не врут, милорд. Вы... м-м-м... хороший игрок в стратемы. Считайте, что получили еще одну фишку.

Конец мая 1774 года от Сошествия

Река (около 380 миль от границы империи Полари)

– Стреляйте, мой лорд! Стреляйте! Уйдет же!..

Эрвин София очнулся от размышлений. В тридцати шагах от него стоял олень – грациозный красавец со светлыми подпалинами на шее.

В четвертый уже раз Эрвин ходил на охоту вместе с Кидом и Томми. До сих пор он не встретил ни кабана, ни косули, ни даже зайца. Если бы владыка провел турнир на звание худшего охотника империи, Эрвин без труда завоевал бы первый приз. Он распугивал дичь всеми доступными способами: хрустел ветками, наступал на шишки, говорил редко, но всегда невпопад, а если замечал в чаще какое-то движение и принимался взводить тетиву, то арбалет непременно издавал пронзительный скрип, от которого и мертвец вздрогнул бы. Кид говорил: «Возьмите лучше лук, мой лорд! Он тише и быстрее». Да уж. Эрвин кое-как справлялся с арбалетом и, случалось, даже поражал мишень. Но стрелюю из лука он вряд ли попал бы в рельсовый тягач, стоящий на месте! Кид говорил: «От вас пахнет, мой лорд... Чем-то таким странным... мылом, что ли? Дичь издалека запах чует». На вопрос, что же делать с этим, Кид посоветовал измазать одежду оленьим навозом. Эрвин в изысканных выражениях отказал-

ся. Кид говорил: «Учитесь ходить тише, мой лорд». Эрвин спрашивал: «Как это – тише?» Охотник пояснял: «Смотрите, куда ногу ставите. Сушняк, валежник, шишки хрустят, когда на них становишься». Отличная мысль, да только в лесу повсюду или шишки, или валежник, а летать Эрвин пока еще не обучился. В качестве крайней меры Кид предложил вовсе не ходить, а лечь в засаду у ручья: рано или поздно зверье придет на водопой. Они проторчали в кустах несколько часов, и самым крупным зверем, которого подстерег лорд Ориджин, оказалась зеленая гусеница. Томми уснул и принялся громко храпеть, его клокочущий рык ни капли не смутил охотника. Храп, мол, – натуральный звук, он не пугает дичь. Но как только Эрвин пытался пошевелиться чтобы размять затекшее тело, под ним непременно ломалась какая-нибудь веточка, и Кид болезненно морщился. «Вы громко лежите, мой лорд... Все зверье переполошили!»

Охота – дело сложное, со вздохом думал Эрвин. А всякую непростую учебу следует начинать с малого. Вернусь в Первую Зиму – пойду охотиться на овец. Их в долине полным-полно. Переоденусь пастухом, чтобы усыпить их бдительность, возьму для маскировки дудочку, ведь овцы – хитрые бестии, их так просто не проведешь. Подкрадусь поближе, а потом вскину арбалет – хлоп! И вот первый охотничий трофей у меня в руках! Впрочем, попасть в овцу не так уж легко – мелкая, верткая тварь. Выследить бы корову... желательно привязанную.

Лежа в засаде и изнемогая от скуки, Эрвин проваливался в воспоминания о столице и своей дипломатической игре, развлекал себя, мысленно переставляя на доске политические фигуры. Дело шло к закату, и он уж не надеялся встретить никого крупнее гусеницы, как вдруг Кид ткнул его в бок:

– Стреляйте, мой лорд!

Олень склонился к ручью прямо на виду у людей, как ни в чем не бывало. Или не заметил их, или заметил, но не счел достойными внимания. Может, олень решил, что люди спят – ведь Томми храпел за троих.

Эрвин приподнялся на локтях, наводя арбалет. Что-то шурхнуло под рукой, олень встрепенулся. Эрвин выстрелил. Болт ушел ниже и правее головы, пробил шею навывлет по краю. Олень заревел и ускакал, кровь текла по его загривку. Кид выпустил ему вслед две стрелы, но лишь ранил в ляжку. Вскоре зверь скрылся из виду.

Эрвин сказал в сердцах:

– К Темному Идо такую охоту! Лучше бы вовсе не стрелял!

– Не так уж плохо, мой лорд! Вы ведь попали, даже в шею.

– В том и беда. Мне жаль этого оленя.

– Так ведь мы собирались убить его, мой лорд.

– Да, но мгновенно. А теперь он будет долго умирать от раны.

– Он не умрет, – ответил Кид. – Рана не смертельна, вы

не перебили горло.

– Она загноится, и зверь умрет от гнилой крови. Я видел, как такое случается с воинами.

– Не умрет, мой лорд, – повторил Кид.

Встал, побродил вокруг, разыскивая что-то, затем нагнулся и выдернул пучок травы. В Первой Зиме такой травы Эрвин не видал: мясистые стебли с крохотными пупырышками, продолговатые полусвернутые листья, темные сверху и почти белые снизу.

– Это змей-трава, мой лорд. Вот попробуйте.

Кид несколько раз переломил стебли, сжал пучок, и на сломках выступили росинки сока. Охотник протянул их Эрвину, и тот лизнул сок кончиком языка. Вкус был горько-пекучим, язык обожгло.

– Гадость какая!

– Это яд, – бесхитростно заявил Кид. Эрвин быстро сплюнул.

– Ты умом тронулся?

– Капля безвредна, мой лорд. Чтобы умереть, нужно больше. Здоровые звери не едят змей-траву, но раненные разыскивают ее и жуют. Не только олени, а даже и волки. Сок змей-травы убивает гниль в крови, и раны заживают быстрее.

– Ты же говорил, от нее можно умереть?

– Можно, если съешь лишнее. А если в меру – то выживешь.

– Откуда олени знают меру?

– Чуют, мой лорд. Звери порою мудрее людей.

Эрвин склонен был согласиться. Он знал мало зверей, зато много людей. Большинство были глупы.

К закату охотники вернулись в лагерь с пустыми руками. Колемон встретил их угрюмым взглядом, потерял бороду и сказал:

– Плохо дело, ваша светлость. Лес не дает дичи. Боги хмурятся. Лучше бы нам вернуться.

Восемь дней назад отряд выбрался из Мягких Полей и двинулся на восток сквозь густой лес.

После предательских топей чаща казалась сказкой. Земля под ногами была тверда. Эрвин вернулся в седло и несколько дней пребывал на вершине блаженства.

Мятеж, едва не случившийся на болоте, был предан забвению – словно канул в трясину. Теобарту, вернувшемуся из разведки, Эрвин сообщил лишь то, что кайр Джемис попытался поднять бунт и был наказан. Лорд умолчал о том, насколько преуспел Джемис и сколь многие воины едва не встали на его сторону. Похоже, кайры сочли его поступок достойным. Во всяком случае, Эрвин больше не слышал слова «неженка» и не ловил на себе осуждающих взглядов.

Приближалась Река – главная цель путешествия. Все чаще среди его спутников заходили разговоры об искре и связанных с нею чудесах.

Что представляет собою искровая сила, большинство во-

инов знали по герцогскому замку в Первой Зиме. Праздничными ночами или, скажем, на недавней свадьбе леди Ионы по зубцам стен и верхушкам башен загорались цветные огоньки. Когда замок запирается, готовясь к осаде – это помнили по оборонным учениям, – вспыхивают направленные огни и шарят пятнами света по земле вокруг стен. Кроме того, в центральных башнях имеются насосы, которые закачивают воду из колодцев в водонапорные емкости на верхних этажах. Та странная сила, что зажигает огни и вращает валы насосов, и есть таинственная искра.

Еще об искре знали то, что она как-то связана с медными проводами, обернутыми воощеной тканью, и с разлапистыми ветряками, торчащими на мачтах. Вращение крыльев ветряной мельницы представлялось воинам делом ясным, понятны были и пятна света в замковом дворе – примерно как от факелов, только белее и не дрожат. Но вот все, что происходило в зазоре между дуновением ветра и появлением света, виделось сплошным колдовством. Природа искровой силы была столь запутана, чудесна и непонятна, что воины даже не пытались думать на эту тему – все равно умом ее не постичь.

Однако легко было понять, что несколько ветряных мельниц – безделица в сравнении с целой рекой, которая пережата плотиной и крутит сотни водяных колес. Любому ясно: река намного сильнее ветра, и искровой силы она даст куда больше. На это и направилось воображение участников похода: как изменится лес и все Запределье, когда здесь вы-

строят плотину и цех?

– Весь лес огоньками осветят! Каждое дерево засияет! – заявлял один из греев.

– Это еще зачем? – возражал другой. – Замок выстроят и осветят, да еще двор. А лес-то зачем?

– А охотиться при свете знатно будет! Всякая дичь – как на ладони, стреляй себе.

– Так дичь от огоньков и распугается, дурья твоя башка.

– Да? Но лес-то все равно осветить можно. Чудо будет! Ни у кого из герцогов такого нет, даже у самого владыки. А у наших-то будет!

Тут воин опасливо глянул на Эрвина, но тот лишь лукаво подмигнул ему: мол, да, именно в том и состоит великий план дома Ориджин – сделать лес с огоньками.

– Чушь про огоньки, – говорил кто-то из кайров, настроенных прагматично. – Город выстроят, а в нем будут кузницы, плавильни, гончарный цех и ткацкий тоже, и все это будет работать от искры. Вообразите, сколько прибыли выйдет. Каждый ремесленник будет приносить по елене в месяц – все герцогу в казну.

– Ремесленный город среди леса? Вот так новость! И где же они станут сырье брать, и куда товар сбывать?

– Как – куда? Караваны будут ходить из империи, а потом еще и рельсу проложат.

– Караваны? Среди глуши? Все разбойники за тысячу миль сюда слетятся, на этакую кормушку!

– Так ведь караванщиков вооружить можно, – ввернул Луис, – искра же будет, можно и искровые копья всем раздать.

Кайры только фыркнули.

– Для искровых копий, – пояснил Томми, – не только искра нужна, а еще очи. Это мелкие алые камни, в них хранится искра, пока не поразит врага. А очи стоят дороже, чем меч с кольчугой и шлемом вместе.

– Ну и что? Прибыли-то много пойдет, из прибыли-то можно...

Высказался и Филипп Лоуферт:

– Правильней всего будет при помощи искры водопровод устроить, да еще обогрев воды. Чтобы в каждом доме города теплая вода была.

– Зачем? – удивился Теобарт. – Положим, зимой можно избу обогреть. Ну, а летом?

– Тело свое, молодой человек, надлежит держать в чистоте. Омование надо совершать не реже раза в неделю, так Праматери нам завещали. А холодной водой не отмоешься как следует, только горячая нужна. Барышни в этом деле, в омовении-то, понимают побольше нашего. Был я знаком некогда с одной девицей – волосы что красная медь. Так вот, не поверите, сударыня эта омывалась в тазу каждое утро. Вот не вру – как солнце взошло, так она и просит воды разогреть. Без этого из дому выйти не могла!..

Кид терся около механика. Он не понимал и половины того, о чем говорили, и явно жаждал выяснить. Наиболее ав-

торитетным и знающим человеком он почитал герцогского сына, но расспрашивать его напрямую Кид побаивался, так что обратился к Луису:

– А что такое эта вот искровая сила? Где она берется?

– Чтобы создавать искру, нужны искровые цеха, – пояснил механик. – Реку загораживают плотиной, при плотине строят искроцех, а от него уже искра идет куда надо по проводам.

Пожалуй, изо всего сказанного Кид понял лишь слово «плотина», за него и ухватился.

– Плотину строят? Ну, это да. Течение, значит, перегораживают, и вода поднимается. Мы на Льянке так летом делаем, когда воды мало. Ну, а дальше? Поднялась вода за плотиной, и что же?

Луис немало гордился глубиной своего знания и с удовольствием принялся объяснять. Вода, дескать, поднимается, а потом падает с высоты по множеству параллельных каналов, а в каналах этих стоят колеса, и они крутятся. Колеса вращают валы искромашин, в них-то и возникает сила. Все дело здесь в брусках из магнитного сплава, что закреплены...

Юный охотник тщетно пытался поспеть за ходом пояснения. Магнитный сплав? Что это за сплав такой и при чем тут он? Луис стал пояснять, что такое магниты, как их делают и как закрепляют на дисках искромашин, и как нужно наматывать провод... Юноша сник и, похоже, утратил надежду.

– Послушай, Кид, – вмешался Эрвин, – тебе случилось

жить впроголодь?

Проводник удивленно кивнул. Уж конечно случалось.

– Замечал, что от голода сил становится меньше, словно они уходят из тела?

– Да, мой лорд. – Он так и не научился произносить титул как следует.

– А когда хорошо поешь, да еще и поспишь, силы прибывают?

– Да, мой лорд.

– Выходит, еда превращается в твои силы. Ты ешь, положим, кашу, и в твоих руках появляется сила, чтобы стрелять из лука, ставить силки, носить добычу, разводить костры – словом, делать разные дела. Верно?

– Еще бы, верно. Так и есть.

– Вот искроцех делает то же самое, только его пища – течение реки. Все эти машины, про которые говорил Луис, делают одну простую штуку: берут силу реки и превращают в другие силы. Например, в тепло для плавильных печей, или в силу колес, чтобы двигать поезд. Понимаешь?

Кид уставился на лорда. Похоже, он понял пояснение – весь последующий день сиял от радости.

– Мой лорд, – спросил он погody с некоторой тревогой, – но когда загораживают течение, то вода поднимается и может даже переполнить русло.

– Верно.

– А когда вы построите плотину, то Река выйдет из бере-

гов. Ведь может же выйти, особенно по весне? Вдруг она весь лес затопит? А до Спота не дойдет?

Эрвин улыбнулся.

– Лес огромен. Лишь малая часть его окажется под водой. Затопление не достанет даже до Мягких Полей.

Затопленная чаща все же взбудоражила всеобщее воображение. Какое-то время порассуждали о том, каково будет деревьям стоять в воде, и будут ли видны кроны, и куда денется зверье, и, раз уж такое дело, нельзя ли будет заплывать из северного моря прямо в лес на шхунах. Позже разговор вновь перекинулся на чудеса искровой силы – рельсовые поезда, горячую воду, копыя с очами. Так было и вечером на привале, и следующий день, и вновь...

А потом, спустя неделю после болота, они вышли к Реке, и в душе Эрвина вспыхнуло горькое торжество. Всем бесчисленным мечтам о чудесах искры пришел конец, зато Эрвин был прав с самого начала: здесь не построить плотины. Даже если император решится на безумную щедрость и даст Ориджинам займы миллион золотых эфесов – все равно не построить. Это видно с первого же взгляда.

Река имела в ширину больше четверти мили, была полноводна и черна. Ветки, упавшие в воду, плыли на север со скоростью пехотинца, идущего маршевым шагом. Свой дальний, восточный, берег Река изгрызла и превратила в трехсотфутовую кручу, испещренную норами и торчащими сухими

корнями.

Эрвин с Луисом переглянулись. Механик печально кивнул: мол, соболезную, милорд. Эрвин пожал плечами: я же говорил. Остальные еще не поняли, и Луис пояснил им. В столь сильном течении строить нельзя, необходимо будет вырыть обводное русло и пустить по нему Реку на время сооружения плотины. Строительство такого канала – уже задача на годы. Но еще хуже с самой плотинной. Гранитные глыбы, подогнанные по форме и скрепленные жидким свинцом, – вот единственный материал, способный выдержать мощь подобного течения. Гранита нет в лесах, его можно лишь добыть в Кристальных горах и привезти сюда, через триста миль зарослей, через Мягкие Поля... Выстроить еще одну Фаунтерру проще и дешевле, чем плотину на Реке. Река попросту слишком могуча, чтобы люди смогли взнуздать ее.

Для очистки совести Эрвин отправил воинов на разведку вверх по Реке. Вниз по течению она станет только шире и мощнее, но вот выше, возможно, найдется подходящее место для плотины. Эрвин не очень-то верил в это, однако следовало убедиться.

Оставшийся отряд коротал время на пологом берегу Реки. Кайры травили военные байки, попивали эль, ходили охотиться.

Греи упражнялись в стрельбе и фехтовании. Сбивали стрелами шишки, колотили друг друга учебными мечами.

Наблюдая за ними, Эрвин захотел было и сам принять участие в тренировке, но вовремя понял возможные последствия. Кайры знают, что мечник из него слабый, но не знают – насколько. Его самоубийственная решимость тогда, при конфликте на болоте, произвела впечатление. Однако уважение мигом исчезнет, если на глазах у всех какой-нибудь грей отдубасит Эрвина учебным мечом. Так что воинским упражнениям он предпочел охоту. Несмотря на полное отсутствие улова, каждый вечер Кид заверял Эрвина:

– Хороший был денек, мой лорд!

Эрвин склонен был соглашаться: ведь они находились в дальней точке пути. Возвращение домой предстояло уже так скоро!

А вот Колемон, напротив, был угрюм и с каждым днем, проведенным на Реке, мрачнел все сильнее. Он вел длительные беседы, смысл которых был прост: не стоит здесь оставаться, не к добру это. Река представляла собою край разведанных спотовцами земель. По ту ее сторону, если верить Колемону, лежали места проклятые и гиблые.

Начать хотя бы с того, что ночами за Рекою что-то мерцает в небе, будто зарево от пожара, а днями стук и клетот доносятся. Никто из воинов отряда, впрочем, не видал зарева и не слышал стука, но это ничуть не смутило Колемона:

– Все охотники, кто выходил к Реке, видели бесовский огонь. А что сейчас не видеть – так это он притаился, заманивает...

Потом, живут за Рекой ходячие деревья. Их немного, и бродят они по ночам, но все же страшно: ляжешь спать, а дуб на тебя корнем наступит – мокрое место останется.

Бывают и твари невиданные. Есть за Рекою место, где живность свою суть меняет. К примеру, смотришь – кабан. Бьешь стрелю в сердце – а ему нипочем. Прыг себе на дерево и ускакал по веткам. А если все же уложишь его, начнешь свежевать – то увидишь: сердце у вепря маленькое, беличье. Не диво, что стрела мимо прошла!

Живет там и племя людовепрей: у этих тело кабана, а голова – человечья. Они говорить умеют, но не по-нашему – нельзя понять. Перекрикиваются меж собою, коли видят чужака – собираются толпой, окружают и топчут копытами, а как затопчут – жрут. У людовепрей есть особенность: телами они разные, а вот лица у всех одинаковы! И кабаны, и свиньи, и поросята – все на одно лицо.

Есть и другое племя – кусачи. Телами люди, а головы волчьи. Глаза у них красным светятся, что факелы, лишь когда зверь нажрется – чернеют. Это боги кусачей прокляли за кровожадность, сделали так, чтобы глаза огнем горели. На охоте глаза их выдают, мелкое зверье издали кусачей видит и прячется. Потому их так мало – с голоду дохнут.

– А Тощий Зверолов перед кончиной рассказывал, что его дятел сглазил, – загробным шепотом вещал Колемон. – Тощий-то за Реку не ходил, не такой он был дурак. Но силки по берегу у водопоя расставил. Проверял их, как вдруг слышит

с того берега дятлов стук и стоны нечеловеческие. Даром что четверть мили – все равно услышал, это его и всполошило. Посмотрел туда, а там дерево высоченное, и под кроной дятел кору долбит, а из-под клюва по стволу кровь течет. Дерево стонет, а дятел все стучит, а кровь потом язычком слизывает. Тощий ни напугаться толком не успел, ни удивиться – откуда у птицы язычок? Как тут дятел его заметил и давай с дерева вниз спускаться. Ох, Тощий и деру дал! Мало ли, что другой берег: такая тварь и перелететь может, и прямо по воде перебежать! Только не спасло Тощего бегство: как вернулся в Спот, так дней через десять и помер от лихорадки. И все заикался перед смертью. Злой глаз был у дятла, вот так-то.

...В четыре года я прочел свою первую книгу, думал Эрвин София Джессика. В шесть знал наизусть историю Сошествия, в семь понял принцип искровой силы, в восемь изучил устройство тягача. К шестнадцати перечитал сотню томов из библиотеки Первой Зимы, в семнадцать поступил в Университет Фаунтерры. В двадцать написал очерк о политике Юлианы Великой; в двадцать один выступал на открытом заседании Палаты Представителей; в двадцать два впервые был приглашен в чайный салон императора. Теперь мне двадцать четыре, и я достиг вершины своего обучения: слушаю лекции о людовепрях и дятлах-кровопийцах!

– А полтора года тому, – продолжал Колемон, – прибило к нашему берегу мертвое тело. Страшное оно было: глаз не от-

вести, до того жутко! Плоть бледная, бесцветная, но по всей коже бугрятся грибы и багровым пульсируют. Это они всю кровушку из бедняги высосали. Заснул он, видать, на красной грибнице – вот так-то.

– Надо полагать, – подытожил рассказы Эрвин, – с того берега Реки никто живым не возвращался?

– Ни один, ваша светлость, – истово закивал Колемон. – Переплыть Реку – все равно что живьем в землю зарыться.

– Откуда же вы знаете обо всем, что там творится?

Охотник глянул на него снисходительно:

– А как же не знать-то!

Дни стояли теплые. Раннее лето сияло небесной синевой, поднималось над землей влажной испариной, дышало цветением, искрилось в речных волнах.

Эрвин полюбил глядеть на Реку: величавой своей мощью она напоминала Ханай. Река дика, Ханай обуздан: скован семью мостами, усеян белыми соцветьями парусов, берега его заросли дворцами и башнями. И все же реки похожи чертами, будто брат и сестра.

Ханай, столица. Начало июня. Состоялся ежегодный бал во дворце Пера и Меча. Блестящая знать всех земель съехалась в Фаунтерру и останется там до конца летних игр, что будут в августе. Столица проведет два месяца в драматическом ожидании. Грядущая помолвка императора может принести с собою что угодно: гражданскую войну, годы мира и

благоденствия, расцвет науки и прогресса, упадок династии или, напротив, усиление Короны, но увядание Великих домов.

Чем больше Эрвин думал об этом, тем больше убеждался: будь он на месте императора Адриана, любой ценою отложил бы помолвку на год. В сентябре состоится голосование в Палате Представителей, весьма важное для владыки. Будет решаться судьба законов о реформах. Великие дома станут требовать брачного договора, шантажировать, угрожать провалом голосования. Но если Адриан пойдет на поводу и заключит помолвку, он станет заложником, фишкой в чужих руках. Три невесты – три коалиции Великих домов. Выбрать одну из невест – значит лишиться поддержки двух остальных коалиций. А значит, попасть под полное влияние союзников императрицы – ведь кроме них владыке будет уже не на кого опереться.

С другой стороны, без помолвки Адриану будет весьма сложно добиться принятия непопулярных законов в Палате. Но старания Эрвина, пусть и незавершенные, дают владыке возможность. Литленд не станет упираться. Герцог Надежды поддержит императора, подкупленный искровым цехом и видами на родство с Ориджинами. Нортвуд и Ориджин – также на стороне Адриана. Даже строптивый архиепископ Галлард, кажется, склонился на сторону императора. Церковь не имеет прямого голоса в Палате, но оказывает немалое влияние на тех, кто имеет.

Эрвин мог бы поручиться, что император отложит по-молвку, если бы не одно недавнее событие. Граф Нортвуд, что приезжал на свадьбу Ионы, привез с собою известие: совершено покушение на Минерву из Стагфорта – троюродную племянницу императора. Эрвин был отдаленно знаком с нею: неглупая девочка, сдержанная и замкнутая. Благородное и нищее существо, лишенное какого бы то ни было влияния. Сама по себе Минерва не решает ничего. Но факт покушения на нее – занятная карта, которую можно с выгодой разыграть. Угроза наследнице – угроза Короне. Хорошая возможность добиться преференций у императора или получить новый рычаг для давления. Коли запахло цареубийством, престолу срочно нужен прямой наследник. Айден Альмера будет использовать это как аргумент в пользу скорейшего брака владыки. Настолько действенный аргумент, что впору, пожалуй, заподозрить в покушении самого Айдена. Странно, правда, что убийцы не довели дело до конца. Герцог Альмера – не из тех, кто останавливается на полдороге. А так, из-за оплошности асассинов, выигрышная карта по имени Минерва попала в руки неожиданному человеку – графине Сибил. Пышущая энергией харизматичная правительница Нортвуда... несомненно, она использует выпавший шанс. Вопрос лишь в том – как именно? Будет уповать на благодарность императора? Обвинит кого-нибудь в покушении, и так разделается с политическим противником? Попросту продаст высокородную Минерву кому-ни-

будь в жены?..

В одном Эрвин был абсолютно уверен. Он предложил выгодные условия союза Генри Фарвею и довольно неплохое решение – приарху Галларду, но самый драгоценный приз обещал графине Сибил Нортвуд. Если кто-то из коалиции Эрвина и будет следовать плану до последнего, до самого возвращения Эрвина в столицу, – то это леди Сибил.

10 октября 1773 года от Сошества

Особняк графини Нортвуд, Фаунтерра

– Дорогой Эрвин! Рада твоему посещению, – восклицает леди Сибил Нортвуд и протягивает руку для приветствия.

С нею все будет просто, думает Эрвин, целуя костяшки графини. Уж кого-кого, а эту даму он хорошо знает.

Графство Нортвуд связывают с Первой Зимой сложные отношения. Нортвуд – земля своенравных, свободолюбивых людей. Ею правят потомки вольных стрелков и северных пиратов. Совсем недавно, меньше двух веков назад, нортвудцы склонили колени перед Династией. Тем не менее, загнав гордость в темный угол, они вынуждены вести политику с постоянной оглядкой на своего грозного соседа – дом Ориджин.

Каждая встреча с родителями Эрвина – вроде состязания для леди Сибил. Она неумолимо пытается превзойти их: поразить богатством трапез, роскошью нарядов, удивить успехами в политике, торговле, строительстве. Леди Сибил за-

видует Ориджинам и страстно желает когда-нибудь увидеть на их лицах ответную зависть. Мучительно стараясь встать с ними вровень, графиня Нортвуд тем самым постоянно подчеркивает неравенство. Она никак не может понять: дело не в богатстве, не в имени рода, не в количестве мечей. Дело в вере: Ориджины верят в свое величие, Сибил Нортвуд – нет.

Что нужно, чтобы договориться с нею? Все просто: обратиться к ее гордости.

– Леди Сибил, – говорит Эрвин, – я пришел к вам за помощью.

– О, с удовольствием сделаю, что смогу!

Графиня усаживает его в кресло рядом с собою. Она одета в простое домашнее платье, чем-то напоминающее халат; ее волосы влажны и пахнут мылом. Это не романтический намек, а небрежность. Эрвин, по мнению леди Сибил, недостаточно важная персона, чтобы специально наряжаться к его приходу. Возрастом графиня годится ему скорее в старшие сестры, чем в матери, однако обращается как с юношей. Леди Сибил помнит его еще мальчиком. Слишком многие на Севере помнят его еще мальчиком, отчасти именно поэтому Эрвину больше по душе Фаунтерра.

– Дело в женщине, верно? – спрашивает графиня. Она была бы в полном восторге, если бы отпрыск Ориджинов обратился к ней за помощью в любовном вопросе. Одновременно три удовольствия: и новая сплетня, и чувство превосходства, и плевков в сторону старших Ориджинов – Эрвин пришел за

советом не к отцу или матери, а к ней!

– К сожалению, нет, миледи. Все сложнее... и потому ваша помощь будет особенно ценна.

– Так о чем же речь?

– Я хотел поговорить о Южном Пути.

Леди Сибил понимающе кивает, губы досадливо кривятся. Южный Путь – общий враг северян. Ничто так не роднит Нортвудов с Ориджинами, как ненависть к торгашам Южного Пути.

– Я каждый год веду переговоры с Лабелином об уровне торговых наценок! Не далее как в прошлом месяце встречалась с ним – все так же безрезультатно. Боров ничего не хочет слышать. Если Северу не по карману его товары – значит, Север беден. Таков его ответ. Север беден! Какое хамство! Каждый год сотни тысяч наших эфесов оседают в его казне, и он еще имеет наглость обзывать нас бедняками!

Леди Сибил добавляет несколько более крепких выражений. Эрвин кивает и поддакивает – эмоции собеседницы ему на руку. Позволив графине выговориться, он добавляет:

– Я согласен с каждым вашим словом, миледи. Но боюсь, что дело вскоре обернется еще хуже.

– Куда уж хуже!

– Всеобщий налог, миледи. В сентябре Адриан внесет на голосование свои реформы, в том числе – всеобщий налог с земель и доходов. Если закон будет утвержден, Ориджин потеряет около семидесяти тысяч эфесов ежегодно, Нортвуд –

около восьмидесяти пяти.

Леди Сибил сокрушенно качает головой.

– Я тоже подсчитала. Чудовищные числа. Но что поделать!.. Остается уповать лишь на то, что Великие дома провяжут благоразумие и не поддержат закон.

– Великие дома проголосуют «за», – твердо заявляет Эрвин. – По крайней мере, половина из них.

Графиня бросает настороженный взгляд:

– Почему ты так думаешь?

– Потому, миледи, что это голосование – отличная кормушка. Корона в уязвимом положении, ей нужна помощь. Среди лордов найдется немало таких, кто решит продать императору свой голос и получить на этом выгоду. В итоге закон будет принят, а те, кто голосовал против, попросту останутся в дураках.

– Омерзительно, когда первородные продают свои принципы!

– Ну, полагаю, они назвали бы это иначе. Сказали бы, что их вассальный долг – поддержать императора в трудную минуту...

Леди Сибил склоняет голову:

– Дорогой мой, к чему ты ведешь? Уж не думаешь ли ты...

– Миледи, я хотел всего лишь посоветоваться. Ваш опыт много больше моего. Как вы полагаете, не стоит ли и нам, правителям Севера, предложить императору свою поддержку? Это было бы весьма полезно владыке и помогло нам ре-

шить некоторые проблемы...

Графиня – никудышный политик. Ее честолюбие слишком ранимо, а потому поведение – предсказуемо. В данный момент леди Сибил морщится со вполне ожидаемым презрением:

– Пф! Не могу поверить, что это предлагаешь ты, сын Ориджинов! Неужели сам не видишь, как это бесчестно?

– Нет-нет, миледи, вы неправильно меня поняли. Я не говорю о том, чтобы продать наши голоса за деньги. Что вы!

– Тогда о чем же?

– Я полагаю, если мы поддержим владыку Адриана, то он позволит нам взять то, что причитается нам по праву.

– Не понимаю тебя...

Эрвин наклоняется поближе и доверительно шепчет:

– Южный Путь, миледи. Его торговая монополия существует лишь потому, что все порты на Восточном Море принадлежат ему. Но разве это справедливо? Разве порт Уиндли в предгорье Кристальных гор не был изначально дарован северянам?

– То было триста лет назад, – досадливо встряхивает графиня пышной гривой. – Никаких надежд, что Адриан вернет вам владение, утраченное так давно. Твои дед и прадед не раз ходили войной на Южный Путь, чтобы вернуть порт Уиндли, и всякий раз Корона выступала против них.

– Все правильно, миледи... – Эрвин вкрадчиво добавляет: – Но ведь сейчас время иное. Владыке нужны деньги –

мы заплатим налог. Владыке нужны мечи на случай мятежа против реформ – мы дадим ему мечи. Мы будем верными вассалами императора. А с верными вассалами мудрый сюзерен делится трофеями. Как вы считаете, миледи?

Хищный огонек загорается в зрачках леди Сибил.

– Мы попросим Адриана остаться в стороне, когда мы захватим порт Уиндли?

– В самую точку! Владыке это ничего не будет стоить, а нас спасет от торговой удавки на шее! Контролируя Уиндли, имея свой флот на Восточном море, мы получим намного больше, чем потребуется для уплаты налогов. Мы останемся в выигрыше, а от монополии Лабелина не останется и следа.

– Неплохо придумано! Хорошо! Но...

– Но что, миледи?

– Герцог Лабелин из Южного Пути с тем же успехом предложит Адриану свой голос. Почему владыка выберет наше предложение, а не его?

– Потому что Лабелин потребует платы за свой голос – помолвки Адриана с этой курицей Валери Грейсенд. Вы бы порадовались такой невесте, будь вы мужчиной?

Графиня вполне доходчиво передает свое отношение гримасой.

– Именно. А мы не попросим от императора ничего, кроме бездействия. Мы подчеркнем, что нам все равно, какую невесту он выберет. Это должно расположить его к нам. Мы не будем просить ни денег, ни военной помощи – сами возь-

мом то, что нам нужно. А кроме того, мы дадим ему целых три голоса.

– Нортвуд, Ориджин и?..

– И Южный Путь, разумеется!

– С чего бы Южный Путь союзничал с нами?! Ты же предлагаешь отнять у них порт Уиндли!

– С того, что если они не проголосуют, как нужно, то мы возьмем не один только Уиндли, а все восточное побережье, да еще и Лабелин в придачу.

Леди Сибил складывает губы трубочкой и издает совершенно не графский присвист. В глазах светится азарт. Она даже не пытается скрыть, насколько ей пришелся по душе план Эрвина.

– Обожаю переговоры с позиции силы! Красиво, дерзко! Признаться, не ожидала такого... от Ориджина.

– Я – необычный Ориджин, миледи.

– И что я должна сделать? Дать военную помощь?

– Это было бы полезно, но не обязательно. Наших войск вполне достаточно, чтобы захватить Уиндли. Прежде всего, нужна ваша поддержка для Адриана. Проголосуйте за реформы в Палате, выскажитесь в пользу любой невесты, кого бы ни выбрал Адриан.

– А что получу взамен? Уиндли – исконное владение Ориджинов. Ты ведь не подаришь мне его, верно?

– Весь город – конечно, нет. Но я отдам вам во владение баронский замок, прилегающий к нему район и две из пя-

ти якорных стоянок. Этого будет вполне достаточно, чтобы купцы Нортвуда обосновались в Уиндли и наладили свой товарооборот.

Леди Сибил хмурится, размышляет. Она готова принять предложение. Ей чертовски нравится дерзость задумки, а поддержка в вопросе императорского брака ничего не стоит графине – ведь она до сих пор не примкнула ни к одной коалиции. Однако последней капли не хватает, чтобы утвердиться в решении. Эрвин добавляет эту каплю. Берет ладонь графини в обе руки и медленно произносит:

– Я намерен отдать часть порта Уиндли не графству Нортвуд, а лично вам, Сибил Дорине Денизе рода Сьюзен.

– Вот как!..

Графиня пристально смотрит ему в лицо. Очень важная оговорка, для Сибил – жизненно важная. Она правит графством от имени мужа, а тот стар. Несколько лет – и граф Элиас Нортвуд отправится на Звезду, владения перейдут к его старшему сыну. Леди Сибил – мачеха молодого графа – лишится власти, могущества, источников дохода... всего. Ее ожидает жизнь бедной родственницы на иждивении у пасынка. А Эрвин предлагает ей контроль над золотой рекой, что потечет в Нортвуд. Помимо денег, это – влияние, бальзам для израненного тщеславия графини.

– Ты очень добр... Отчего?

– Я знаю сыновей графа Нортвуда. Когда стану править Ориджином, хочу иметь в союзниках не их, а вас, миледи.

– Почему?

Эрвин встречает ее взгляд и молчит. Пускай графиня сама домыслит любой угодный ей ответ.

– Хорошо. Я на твоей стороне, Эрвин.

Она сжимает его руку.

3 июня 1774 года от Сошествия

Река, Запределье

Разведчики вернулись на шестой день.

На полсотни миль вверх по течению Река остается столь же широка и могуча. А дальше берег становится непроходим: Мягкие Поля примыкают к Реке вплотную, и сеточница, подмытая проточной водой, в тех местах слишком тонка и ненадежна.

Таким образом, шансов построить плотину на Реке не осталось.

Известие вызвало у воинов угрюмое замешательство. Очевидно, теперь следует отправляться в обратный путь. Но тогда приказ герцога Десмонда – найти место для искрового цеха – останется невыполненным. В этом нет вины участников эксплорации, но все же никому из кайров не улыбалось вернуться к сюзерену с пустыми руками.

Охотники, напротив, обрадовались поводу уйти подальше от тех ужасов, что творятся за Рекой. Улыбнулся и имперский наблюдатель.

– Ну, что ж, мы выполнили все, что от нас зависело, – рассудительно молвил Филипп. – Мы имели задачей дойти до Реки, и вот она, перед нами. Не наша вина, что Река непригодна для плотины. Не ошибусь, если скажу, что мы можем возвращаться.

Кайры молчали. Даже Теобарт не нашел, что возразить.

Позже Эрвин София Джессика не раз вспоминал этот момент. Что же заставило его раскрыть рот? Какие мелкие случайности порою поворачивают колеса истории, какие глупости руководят судьбами людей?

Не отцовский приказ – ведь формально Эрвин выполнил все, что требовалось. Не надежда на награду или благодарность – он не ожидал такой роскоши.

Пожалуй, как-то его решение было связано с тем странным, недавно изведанным чувством. Эрвин слишком редко испытывал его и потому остро помнил каждый миг: на Подоле Служанки в ожидании лавины, и на болоте, когда Дождь рвался навстречу чудовищу, и позже, когда Эрвин стоял перед лицом врага, спрятав меч за спиной. Дальний берег Реки чем-то напоминал это чувство.

Но решающей каплей был Филипп Лоуферт. Точней, не он сам, а Эрвинова неприязнь к нему – похотливому словоблуду с козлиной бородкой. Не будь неприязни, герцогский сын молча кивнул бы, и отряд повернул назад. Но Эрвину очень уж претило соглашаться с Филиппом, и это перевесило чашу сомнений.

Лорд Ориджин сказал:

– Мы построим плоты и найдем место, подходящее для переправы. Мне думается, вон тот островок с ивами вполне подойдет.

– Для переправы? – удивился Филипп. – Что вы задумали, молодой человек?

– Милорд, – поправил Эрвин. – Я задумал переправиться за Реку и двинуться дальше в глубь Запределья. Там может обнаружиться приток Реки или другая речка, поменьше, пригодная для плотины.

– И до каких пор мы будем идти туда, мо... милорд?

– Пока я не прикажу иное.

Искра

2 июня 1774 года

Фаунтерра, дворец Пера и Меча

Дворец Пера и Меча, престольная резиденция Династии, сверкал миллионом огней. Сияли искровые фонари в аллеях сада, в витых канделябрах по стенам помещений, отражались в мраморе ступеней и лакированном паркете залов. Несмотря на то что солнце еще не зашло, зажглись под потолком многоярусные хрустальные люстры. Вторя чудесному сиянию дворца, блестели украшения на одежде: бриллиантовые кольца и диадемы, изумрудные серьги, жемчужные подвески, рубиновые запонки и пуговицы... Бесконечная череда карет катилась подъездной аллеей. Роскошно наряженные, увешанные драгоценностями, оплетенные паутиной золотых узоров люди вливались в парадные залы. Цвет высшего столичного общества заполнил дворец буйством жизни и красок.

Мира пребывала в смятении, близком к панике. Люди. Люди! Люди!!! Огромная масса их – напыщенных, галдящих, в пух и прах наряженных, чужих. Движение повсюду: расхаживают, шатаются, шествуют, переминаются, снуют... Подают руки, жеманно обнимаются, восклицают с деланной радостью, охают, льстят, кого-то кому-то представляют, похихатывают... Свет был слишком ярк: глаза слези-

лись, непривычные к такому обилию искры. Звуков чересчур много: церемонно радостная музыка силилась перекрыть гомон голосов, но лишь смешивалась с ним и терзала уши. И слишком много людей. Мире казалось, что ее вот-вот затопчут... или внезапно схватят и заорут на ухо: «Я так рад! Позвольте вам представиться!» Неясно, какой из этих вариантов страшнее. В числе прочих наставлений графини Сибил звучало и такое: «Не липни к стене, как будто смущаешься. Так делают только нищие полукровки». Мира изо всех сил старалась держаться ближе к центру залы, но против воли постепенно сдвигалась на край и вот уже вновь обнаруживала себя прижавшейся к бронзовой раме одного из настенных зеркал.

Она поймала одного из слуг, снующих по залу, и взяла с его подноса бокал белого вина. Отметила: это уже третий. Не заговорила ни с одной живой душой, но пьешь третий бокал вина – хорошее начало, Минерва! Продолжай в том же духе, и скоро будешь спать в укромном уголке за шторой. Мире еще не доводилось напиваться. Вот будет забава, если первый раз случится на императорском балу!

Парочка прошествовала мимо рука об руку. Мужчина так был увлечен своей дамой, что не видел ничего вокруг и чуть не столкнулся с Мирой. Боги, что за человеческий улей! И как назло, ни единого знакомого лица! Она знала в Фаунтерре всего-то горстку людей. Итан, Марк и Ванден слишком низкородны для этого бала; сир Адамар погиб, Бекка Южан-

ка отчего-то не появляется. Конечно, есть леди Сибил. Мира прибыла на бал в одном экипаже с графиней и первое время неотрывно следовала за нею – будто вагон за рельсовым тягачом. Леди Сибил пользовалась вниманием, к ней то и дело подходили с приветствиями. Двор чутко отслеживал настроение владыки: стоило Адриану вернуть графине свое расположение, как и придворные тут же воспылали к ней симпатией. Среди тех, кто приветствовал графиню, была и очень важная персона – архиепископ Галлард Альмера, глава Отеческой ветви Церкви. Суровый, бородатый, морщинистый, от шеи до пят укутанный в синий с серебром епископский плащ, Галлард был словно живым воплощением строгости Праотцов. Он заявил, что желает обсудить с графиней кое-какие вопросы касательно церковного сбора на Севере, и леди Сибил сказала Мире:

– Ступай, дитя мое, развлекайся.

Хм. Я вся во власти развлечений, буквально веселюсь до упаду, думала Мира, делая очередной глоток вина. «Знакомься с людьми. Для этого балы и нужны», – говорила графиня. Этикет оставляет для этого широкие возможности. Если из группы беседующих людей ты знаешь хотя бы одного, то можешь подойти к ним, и твой знакомец представит тебя остальным. Если же человек один, не занят беседой, то ты свободно можешь заговорить с ним и отрекомендоваться.

Однако вход в группы Мире был закрыт, поскольку девушка не знала никого. А охотиться на одиночек, страдаю-

щих, как и она, от смущения, представлялось ей неоправданной жестокостью. «Сударь, вы один? Тогда позвольте, я стану рядом с вами, и мы вместе помучимся вопросом, о чем бы поговорить».

Вот, например, прохаживается среди людей одинокая девушка – по всему, из Южного Пути. Высокая, белокожая, круглое лицо, пышная грудь, широкие бедра – такую в народе назвали бы «пшеничной булочкой». Глаза мечтательно-печальные, слезливые – как у сеттера. Тоже, наверное, не знает, куда себя пристроить... Однако нет: один молодой щеголь поздоровался с «булочкой», затем другой, вокруг нее образовалась стайка. Печальное выражение не ушло с лица девушки. Наверное, она ищет кого-то. Отца? Подругу? Любимого?.. Ну уж точно не знакомства с Минервой из Стагфорта.

Вот несколько парней, расположившихся около столика с закусками, принялись поглядывать на Миру. Они были стройны, элегантны в своих черных фраках и стоячих белых воротничках... и неприятно веселы. Они улыбались, и Мира предпочла отойти от них подальше. Сделается ли проще, когда начнутся танцы? Вряд ли. Слащавые хлыщи станут терзать ее приглашениями – перспектива так себе... Особенно если учесть, что в своих танцевальных навыках Мира отнюдь не была уверена. А отклонять все приглашения нельзя: прослывешь испуганной провинциальной мышью. Великолепно! Наслаждайся столичной жизнью!

Строго говоря, улыбнулась себе Мира, скоро в зале появится хотя бы один знакомый мне мужчина: владыка Адриан. Не прием, а театр абсурда! Я буду знать одного-единственного человека изо всей толпы, и это – император. Говорить с ним, конечно же, нельзя, пока он сам ко мне не обратится...

– Глория! – раздался знакомый голос, и Мира ахнула от радости, увидев подругу.

Бекка Южанка спешила к ней, лавируя между людьми. На ней было шелковое платье цвета слоновой кости, оттеняющее смуглость кожи; изумрудные серьги и кольцо – в тон зеленых глаз. Предплечье Бекки перехватывала черная лента – в знак памяти о сире Адамаре. Мира тут же обругала себя, что не обвязала руку такой лентой. Правда, она знала Адамара всего час... но он погиб по ее вине. Точней, остался бы жив, не будь Мира такой дурой.

– Ты хмуришься? – удивилась Бекка. – Если я не ко времени, то исчезну сразу после того, как скажу, что ты прекрасно выглядишь!

Это было правдой. Надо отдать должное чувству вкуса и толщине кошелька графини Сибил: платье, туфли, украшения, даже сеточка для волос великолепно подходили Мира. Она досадливо бросила:

– Это чушь... В смысле, чушь, что прекрасно. И что хмурюсь. Нет, хмурюсь. Все дело в ленте. Тьма, Бекка, не слушай меня! Я провела час в неловком молчании и, кажется,

разучилась говорить.

Южанка рассмеялась и поцеловала Миру в щеку.

– Итак, ты в восторге от приема?

– В полном и неопишемом. Спаси меня! Покажи, какой из прудов в саду достаточно глубокий, чтобы утопиться. Или, волею милостивого случая, ты прихватила с собой яд?

– О, ты не разучилась говорить, а стала еще красноречивее! Молчание пошло на пользу северной леди. Может, оставить тебя еще на часок, и ты заговоришь стихами?

В глазах Миры сверкнул неподдельный ужас, и Бекка вновь засмеялась.

– Идем же!

– Куда? В место, где нас не затопчут? Поверь опыту моих долгих исканий: здесь его нет.

– Все дело в выражении лица. Сделай его таким, будто ты – хозяйка мира, а все вокруг – недостойная плесень.

– Тут у всех такое выражение.

– В том и суть! Ты станешь похожа на человека, тебя начнут замечать. Смотришь надменно, и все ползут с тобой знакомиться.

– Вот уж не уверена, что мечтаю об этом...

– Дорогая Глория, мне еще ни разу не доводилось говорить эту фразу, но уверена, что будет приятно. – Бекка глубоко вдохнула и торжественно произнесла: – Подумать только, когда-то и я была такой, как ты!

– И какво? Насладилась превосходством?

– О, это даже лучше, чем я ждала!

От былой скуки не осталось и следа, Мира цвела в улыбке. Бекка взяла у слуги пару бокалов вина, сунула один подружке. Взяла ее под руку, повела вдоль зала, рассказывая на ходу:

– Главное развлечение на светских приемах – глядеть на всех и сплетничать. Любимая игра придворных называется: «А это тот самый...» Сейчас я научу тебя. Видишь даму в красном платье с кринолином?

– Сложно не заметить.

– Это та самая маркиза Ллойд, которая недавно грохнулась с лошади прямо на копчик. Теперь она не может сидеть и носит свое жуткое платье, чтобы была отговорка – якобы не хочет помять кринолин.

Мира хихикнула, а южанка продолжала:

– Худой мужчина с черными усиками – тот самый граф Рантигар. Он затеял большую войну на Западе и с оглушительным треском проиграл. Потерял больше тысячи воинов, тьму-тьмущую денег, а финального сражения и вовсе не было: когда войска построились друг против друга, граф понял, что шансов нет, и сдался. Зато теперь слывет главным злодеем Запада, и, как видишь, он в центре внимания дамочек. Возможно, ради этого и устроил войну.

– А вон тот представительный лорд с гербом на груди и седой бородкой?

– Это тот самый Алексис Серебряный Лис, один из двух военачальников Короны. Он руководит половиной импера-

торской армии, то и дело устраивает всяческие построения и маневры. Еще он прочел все книги, какие написаны о военном деле, и считает себя лучшим полководцем Империи. Сложно сказать, так ли это: Алексис не командовал войском ни в одной настоящей войне. Кроме того, он все еще не женат, и в глазах некоторых девиц он – лакомый кусочек... хотя и чуток подсохший.

– А это, – подхватила Мира, указывая на хмурого священника в сине-серебряной мантии, – тот самый архиепископ Галлард, брат герцога Альмера. Он похож на скульптуру Праотца Вильгельма Великого работы провинциального мастера. Архиепископ позвал мою матушку побеседовать о церковном сборе, но что-то никак не может отлепить взгляд от ее груди.

– Ты быстро учишься!

Разные люди подходили с приветствиями к Бекке. Подруга представляла их Мире, принимала любезности, раздавала ответные. Вот к ним навстречу направились щеголи во фраках, которые недавно разглядывали Миру.

– А это те самые студенты-бездельники, что портят любой бал, – объявила Бекка, ничуть не боясь, что парни ее услышат. – Они являются в надежде пригласить на танец кого-то из первородных дам, поскольку это их единственный шанс потрогать первородную даму. Правда, на весеннем балу вышел конфуз: один из них перестарался с выпивкой и попытался пригласить архиепископа.

– Это был я, – не без самодовольства заявил один из щеголей. – Виконт Лоуренс из Баунтивилля, к вашим услугам. Миледи Бекка, не представите ли нам вашу спутницу?

– Я – леди, не любящая, когда на нее глазают, – ответила Мира, – рода Праматери Язвительной.

Отделавшись от нахалов, Мира спросила подругу:

– А вон та сдобная девица из Южного Пути – кто она?

– О-о-о! Это – та самая Валери рода Праматери Софьи, юная маркиза Грейсенд. Я упоминала ее, когда мы говорили в саду.

– Претендентка на корону? – вспомнила Мира. – Одна из невест императора?

– Ага. Кроме того, набожна, как свечка на алтаре, печальна и томна. Валери искренне верит, что плаксивые глаза – признак глубокой натуры.

– Однако она – твоя конкурентка?

– Она?.. – Бекка усмехнулась не так уж весело.

Южанка не успела договорить – ее оборвали фанфары. Гомон утих, зычный голос герольда прогремел:

– Его императорское величество Адриан Ингрид Элизабет рода Янмэй.

Пара лакеев распахнула огромные двери, ведущие во внутренние покои, и в зал вступил владыка. Он был великолепен. Лазурная мантия струилась с широких плеч, золотые хризантемы цвели на груди, огромный голубой бриллиант сиял на единственном зубце короны. На поясе покоился

в ножнах Вечный Эфес – посланный богами символ многовековой власти Династии, тот самый, что покидает ножны лишь в поворотные моменты истории. Черноглазый взгляд Адриана скользил поверх голов людей, на тонких губах играла легкая надменная улыбка. «А вот и тот самый император, который назвал меня серпушкой», – подумала Мира.

Двое лазурных гвардейцев, следовавших за владыкой, меркли рядом с ним и делались как будто ниже ростом. А следом за гвардейцами в зал вошли рука об руку седой мужчина и светловолосая девушка.

– Какая наглость!.. – выдохнула Бекка, увидев этих двоих.

Герольд продекламировал:

– Айден Эллис Гвенда рода Агаты, герцог Альмера. Ала-нис Аделия Абигайль рода Агаты, леди Альмера.

– Вот тебе моя конкурентка, – процедила Бекка, – во всей красе своего нахальства. Полюбуйся!

Мира понимала, что разозлило подругу. Альмерские вельможи вошли в зал вместе с владыкой – так, словно были членами его семьи. Почему Адриан позволил им?.. Миновав широкий дверной проем, альмерцы вышли в лучи света, и Мира внимательно их рассмотрела.

Герцог Айден Альмера выглядел именно так, каким девушка и представляла себе автора книги о Шутовском заговоре. Величавым, с благородным орлиным носом и седыми бакенбардами – под стать цветистым и холодным оборотам речи. Умным, трезвомыслящим, бесстрастным, глаза

глядят ясно и цепко, окруженные паутиной морщин, – такой человек и смог бы точно изложить все факты, какими бы страшными они ни были. Самовлюбленным, разодетым в серебро и золото, – под стать его упоминанию о десятках эфесов, потраченных на перевозку войска поездом. Тонкогубым, скуластым – достаточно безжалостным, чтобы замучить насмерть человека, спасшего ему жизнь.

А вот его дочь... Наслышанная о богатстве Аланис Альмера и ее притязаниях на корону императрицы, Мира ожидала увидеть этакое ходячее ювелирное изделие, сплошь усыпанное жемчугами да алмазами, сверкающее так, что живого человека и не рассмотреть. Однако дочь герцога выглядела совершенно иначе. На ней было вызывающе простое черное платье без узоров и украшений. Короткое и очень узкое, оно обтекало каждую округлость безукоризненной фигуры. При каждом шаге стройные бедра девушки прорисовывались под тканью. Обувь леди Аланис была сплетена из тонких серебряных нитей и почти невидима. Изящные руки оставались открыты от самых плеч, на запястье поблескивал ажурный рубиновый браслет – единственная драгоценность в наряде. Леди Аланис не нуждалась в украшениях, весь ее вид заявлял об этом. Одежда не могла украсить ее, могла лишь скрыть совершенство тела.

Волосы леди Аланис имели цвет платины, тонкие брови – темны. Карие глаза по диковинной задумке природы смотрели одновременно горделиво и озорно. Точеный подбороро-

док и волевые скулы, присущие роду Агаты, могли сделать ее лицо холодным, если бы не губы. Губки леди Аланис были слегка припухшими, с намеком на капризную чувственность, и придавали ее облику трогательного тепла. Вне сомнений, молодая герцогиня была красивейшей из женщин, которых когда-либо видела Мира.

– Свечи померкли, люстры потускнели, – досадливо проворчала Бекка Южанка. – Радуйтесь, люди: Звезда взошла на небосклон!

Мира заметила, что все до единого гости смотрят сейчас в сторону вошедших, и леди Аланис достается едва ли не больше восторженных взглядов, чем самому владыке. Мира ясно ощутила горечь и ревность, терзавшие подругу.

– Бекка, – Мира тронула южанку за плечо, – Бекка!

– Что?

– Если император женится на этом капризном отродье, я буду сочувствовать ему всей душой.

– Благодарю тебя.

Мира щелкнула пальцами, подзывая слугу, и потребовала вина для себя и южанки. Пятый, отметила, взяв в руки бокал.

– Пусть боги помогут владыке сделать правильный выбор, – сказала Мира и выпила.

Последовав ее примеру, Бекка улыбнулась:

– Все хорошо, дорогая. Приступ дурной ревности смыт потоком вина и дружеской заботой. Идем!

– Куда же?

– Разве ты больше не дочь графини Нортвуд? Все выходцы Великих домов должны засвидетельствовать почтение владыке.

Тем временем император, прошестввав через зал, уселся в бархатное кресло у стены – недостаточно золоченое, чтобы именоваться тронем, зато весьма удобное. Гвардейцы заняли позиции за его спиной, герцог Айден и леди Аланис, соблюдая церемонию, поклонились императору. Поклон герцога вышел сдержанным и гордым, поклон девушки – покошачьи грациозным. Казалось, это не дань вежливости, а часть некоего артистического выступления. Затем альмерцы отошли вбок, а другие гости потянулись к императору, кланяясь и произнося цветистые приветствия. Еще два человека вышли из внутренних покоев и заняли места у трона. Одним из них, к радостному удивлению Миры, оказался Итан на своей давешней крохотной табуреточке. Конечно, владыку должен сопровождать секретарь, чтобы при необходимости подсказать имя, титул, заслуги и привилегии того или иного гостя. Мира была рада, что именно Итан удостоился чести помогать императору на балу.

А вот второй человек – тот уселся прямо на пол, привалившись спиной к ножке Адрианова кресла, – оказался весьма странной персоной. Его лицо было болезненно худым, прямо костлявым, будто череп, обтянутый кожей. Глаза поблескивали ядовитым огнем и беспрестанно метались, заостренный подбородок казался несуразно длинным из-за узкой

бородки. Он был одет в пестрый клетчатый костюм и разлапистый трехконечный колпак, что позвякивал бубенцами. Шут Менсон – вот кто это был! Тот самый человек, который мог стать императором Полари... но боги обделили его удачей и сделали безвольным посмешищем.

Мира надолго задержала на нем взгляд. Большую часть времени шут занимался тем, что ковырялся в носу или задумчиво посасывал конец собственной бородки. Когда очередной гость подходил на поклон, Менсон пронизывал его взглядом и тут же забывал, продолжая теревить губами волосы. Кое-кто, впрочем, привлекал его внимание, тогда шут беззастенчиво хлопал Адриана по ноге, указывал пальцем на гостя и скрипуче говорил что-то. Мира не могла разобрать слов, но вряд ли они были приятны гостям: тот, на кого указывал шут, вздрагивал и сжимался.

Безумный Менсон... Так ли он безумен? Достанет ли ему здравомыслия, чтобы устроить заговор?..

– Леди Бекка, позвольте поприветствовать, – раздалось сзади, и, обернувшись, Мира столкнулась... с собственным сюзереном!

Она вздрогнула от неожиданности. Белолицый граф Виттор Шейланд перевел взгляд с Бекки Южанки на Миру, и девушка похолодела от испуга. Сейчас он узнает меня! Почему леди Сибил не сказала, что он будет здесь? Зачем притащила меня на этот проклятый бал?! Сейчас Шейланд раскроет меня прямо на глазах у императора!

– О, я рад видеть вас в таком чудесном обществе, – дружески произнес граф Виттор, расплываясь в улыбке, – милая леди Глория.

Леди Глория?.. Так он принял меня за дочку Нортвудов?! Не распознал подмену? А с другой стороны, почему нет?.. Ведь и я видела его лет семь тому назад и узнала сейчас лишь благодаря белой, как снег, коже. Наверняка, и он помнит меня лишь смутно, в общих чертах... А общие черты – черты Глории.

– Здравия вам, граф Виттор! Я рада встрече. – Мира вежливо склонила голову, граф поцеловал ей рук, точнее, лишь дотронулся кончиком носа, как и полагается в высшем свете.

– Позвольте отрекомендовать вам мою жену. Конечно, вы знакомы с леди Иной Ориджин, но я рад представить ее как графиню Шейланд.

Он отвесил поклон в сторону спутницы. Это была изящная темноволосая девушка с туманным взглядом, замечательная своею полуживой красотой. Северная Принцесса. Мира видела ее на давнем-давнем празднике в замке Нортвудов.

– Радости вам, леди Глория, – проворковала жена графа. – Чем встретила вас столица, подарила ли счастье?

– Фаунтерра встретила меня со всем своим очарованием, – ответила Мира, легонько тронув локтем подругу. – А вы, миледи, не скучаете ли по Первой Зиме?

– Ровно так же, как в полдень скучаю по собственной те-

ни, – двусмысленно ответила леди Иона.

По правде, Мира помнила ее весьма отдаленно, куда четче врезался в память ее спесивый братец. Мужчины, как водится, хлебали ханти и травили охотничьи байки, леди Сибил развлекала Иону и герцогиню Софию Джессуку, а молодой Ориджин маялся от скуки, как и Мира. Тем не менее, он счел ниже своего достоинства беседовать с мелкой пигалицей, предпочел молча разглядывать желтые от старости портреты и что-то еще ужасающе интересное за окном – кажется, ворону. Позже отец Миры выяснил, что Эрвин играет в стратемы, и вызвался сразиться с ним. Отец был прекрасным игроком, девушка ожидала увидеть, как он побьет ага-товского отпрыска, однако Ориджин выиграл трижды подряд. Эрвин тогда взглянул на Миру лишь раз – при встрече, – но она была уверена: окажись он сейчас здесь, непременно узнал бы ее. Просто назло.

Бекка сказала пару любезностей чете Шейландов, они ответили взаимностью. Леди Иона вновь обратилась к Мире:

– Как поживает ваш прекрасный медведь?

– Его зовут Маверик. Он полон бодрости и пользуется большим успехом среди дам. – Мира величаво подняла руку, подражая медведю на нортвудовском гербе, и леди Иона хихикнула. – А как здоровье вашего брата?

– К сожалению, давно не получала от него вестей. Эрвин сейчас в Запределье с благородной миссией – расширить границы Империи.

– Это так славно!

Тем временем очередь подвинулась ближе к трону. Отходя от императора, часть гостей возвращалась в зал, а часть задерживалась около пары альмерцев. Вскоре вокруг леди Аланис собралось беспокойное колечко молодых людей. Хотя бы в этом, надо признать, из нее может выйти хорошая императрица: подданные будут заискивать перед нею старательней, чем перед самим владыкой. Герцог Айден удалился из этого кольца ухажеров и передвинулся ближе к креслу Адриана. Теперь казалось, что он принимает приветствия наравне с императором.

Шут Менсон указал на герцога и вскричал:

– Крадется! Крадется-а-а-а! Расползлись из альмерского кубла, нигде спасу нет! Владыка, владыка, не пускай змею к трону!

Император потрепал шута по затылку.

Подошел с приветствием герцог Лабелин – весьма тучный правитель Южного Пути. Шут сразу переключил внимание на него:

– Бегемот! Вот бредет человек-бегемот! Закуски, сыры, свиные ребрышки, куриное бедро...

Лабелин попытался перекрычать Менсона:

– Ваше величество, я говорю, что желаю вам...

– ...пироги с треской, утка в яблоках, клюквенный соус, – неутомимо трещал шут, – телячьи котлеты, печеная репа, блины, блины, блины-ы-ы-ы!

Император движением руки отпустил Лабелина, тот ретировался, красный, как рак. В очереди слышались смешки.

Наконец подошел черед Миры с Беккой. Они опустились в реверанс перед владыкой. Шут нацелил узловатый палец в лицо Мире:

– Ты... ты-ы-ы!..

Она похолодела, ожидая, что сейчас Менсон заявит: «Ты – Минерва. Минерва-а-а!» Однако шут вдруг заткнул себе рот кончиком бороды. Пожалуй, он не так уж плох.

– Леди Бекка, приветствую вас на празднике лета. Леди Глория, рад, что вы посетили нас впервые. Надеюсь видеть и на будущих балах.

Ничего вы не надеетесь, подумала Мира, глядя на кристальную рукоять Вечного Эфеса, вам плевать.

– Ваше величество, я счастлива разделить с вами праздник.

Они отступили в сторону, а владыка уже поздравлял Шейландов со свадьбой. Его голос звучал устало. А ведь это нелегкий труд, смекнула Мира, поприветствовать лично сотню человек, принять от каждого порцию лести, раздать всем по глотку благосклонности.

Вот и граф Шейланд с Северной Принцессой оказались в стороне. Очередь подходила к концу, последней шла Валери Грейсенд из Южного Пути. Она не принадлежала к семье землеправителя, однако очень уж хотела попасть на глаза владыке и перемолвиться с ним словечком. Ее большие глаза

из печальных стали востороженно-мечтательными. Она сделала реверанс, еще и склонилась вперед всем телом, подставляя весьма заметное декольте под взгляд Адриана.

– Леди Валери, мои приветствия вам, – сказал владыка, глядя выше ее головы.

– Я не могу передать, как счастлива... – грудным голосом заворковала Валери и тут же была прервана шутком:

– Мама-маркиза Грейсенд! Грейсенды теперь – Великий Дом? Хо-хо, почитай их, владыка! Сегодня стала землеправителем, завтра будет Праматерью!

Леди Валери метнула в шута взгляд, полный ненависти, но тот вскричал в ответ:

– Ах-ха, пышечка сшила себе платье! Владыка, владыка, посмотри, какое чудесное! Что надо – все видно...

Император хлопнул его по макушке, и шут умолк.

– Простите его, леди Валери. Бедняга обделен умом.

– Конечно, конечно, ваше величество! – громко зашептала девушка. – Я счастлива быть с вами, и ничто не омрачит этого чувства! Пусть же этот день принесет вам радость и беззаботное веселье! Отрешитесь ото всех государственных хлопот, что тяготят вас, и наслаждайтесь праздником, как и я! Умоляю вас! Вы сделаете меня счастливой, если позволите свету радости озарить ваше лицо!

Владыка Адриан старался удержать благосклонную улыбку, но не вполне справлялся. Леди Аланис наблюдала сцену с явным удовольствием, Бекка Южанка хихикнула.

– Леди Валери, благодарю вас за теплые слова, – прервал Адриан словоблудие маркизы. – Ступайте, предавайтесь развлечением.

Возможно, ударение на слове «ступайте» было слишком заметно. Валери отошла, растерянная, и печально воззрилась на императора.

Происходящее начинало забавлять Миру. Она редко видела театральные представления, но любила. А это действо было не хуже.

– Постой-ка, давай еще немного поглядим, – задержала она Бекку.

Герцог Айден Альмера подступил ближе к владыке и приглушенно заговорил, Мира услышала лишь слова «бедная девушка». Император нахмурился. Кажется, герцог настойчиво советовал ему что-то. С другого бока, опасно обойдя Менсона, к трону подобрался лорд Лабелин. Его слова Мира расслышала лучше:

– Ваше величество, шут совсем распоясался! Нельзя позволять подобное, он унижает...

Герцог Альмера прошел Лабелина холодным взглядом, призывая не лезть в разговор. Тот, однако, не умолкал. Сдобная леди Валери стояла в десятке шагов от трона, глядя на владыку печально и сочувственно. Она всем видом выражала понимание, как тяжело ему приходится, а также готовность утешить любыми дозволенными способами.

Такая вот была мизансцена: два лорда-землеправителя на-

перебой шептали в уши владыке, претендентка в невесты оглаживала его томным взглядом, еще с две дюжины гостей крутились около, надеясь на долю государева внимания. И тут рука императора легла на Вечный Эфес. Тот самый, что покидает ножны лишь в исключительные дни: при коронации, начале войны и суде над первородным. Выдвижение клинка из ножен даже на пару дюймов означает, согласно традиции, огромную важность сказанных слов. Пальцы Адриана сжались на рукояти. Оба лорда не видели этого – они пытались испепелить друг друга взглядами. Видела лишь Валери – напряглась и замерла, едва владыка коснулся Эфеса.

Император смотрел в сторону, мимо девушки... и вдруг, со скучающим видом, выдвинул клинок на треть! И тут же сунул обратно в ножны. Прозрачный кинжал сверкнул – и сразу скрылся. Клац-клац.

Валери ахнула, с нею и несколько человек из толпы. Герцоги умолкли, поняв, что пропустили нечто. Люди, видевшие кинжал, силились угадать: что же было сказано, что означал обнаженный Эфес? Осязаемое напряжение повисло над залом.

А Мира с неожиданной ясностью поняла, что это было. Шутка – вот что. Напыщенная, угодливая, льстивая толпа, ловящая каждый жест владыки, – разве это не забавно? Он сделал крохотное движение – просто ради шутки. Туда-сюда. Клац-клац. И все оцепенели, будто узрели второе Сошествие!

Тогда Мира... наверное, пять бокалов – это было чересчур... словом, она расхохоталась. Во все горло – громко, звонко, заливисто. Зал провалился в тишину, гости устали на смеющуюся девушку.

Бекка сжала ее локоть:

– Глория... Глория!

Мира наконец утихла и лишь теперь заметила устремленные на нее взгляды. Сотня пар ошарашенных, осуждающих глаз... и одна пара – веселых, искристых. Император Адриан едва заметно улыбнулся Мира – единственной, кто понял его шутку.

– Верно, леди Глория, – сказал он во всеуслышание, – сколько можно церемоний? Приступим же к веселью! Я объявляю праздник изобильного лета открытым! Ваше преподобие, начинайте благодарственную молитву.

– Что это было? – спросила Бекка, пока архиепископ Галлард Альмера выходил на открытое место перед тронем и прочищал горло.

– Я потом расскажу, ладно?

– Ты посмеялась над императором, или это только так выглядело?

– Не над, а с ним вместе. Позже объясню, хорошо?..

Священник произнес пространное вступительное слово. Смысл сводился к тому, что пришло тысяча семьсот семьдесят четвертое лето от Сошествия Праматерей, и стараниями милостивых богов оно будет не хуже, чем все предыдущие

лета, а, следует надеяться, даже лучше. Затем он завел речитативом «Укрепимся трудом и борьбою» – главную молитву Праотеческой ветви. Суровая и длинная, она никак не вязалась с блестящим духом праздника. Гости старались скрыть скуку, а кое-кто и не старался. Айден Альмера кривился от косноязычия брата. Леди Аланис обменивалась ироничными гримасками с леди Ионой; было заметно, что они симпатизируют друг другу. Алексис Серебряный Лис и граф Рантитар терпеливо ждали окончания молитвы, чтобы продолжить прерванный разговор. Шут Менсон ковырялся в носу, герцог Лабелин смотрел на него и чуть ли не дрожал от омерзения, но отвернуться почему-то не мог.

Мира старалась не усугублять свою выходку и не смотреть на императора. Намеренно отвела взгляд, скользнула по толпе и встретила глазами с леди Сибил. Графиня была полна ярости, немало нашлось и других гостей, кто все еще осуждал Миру. Девушку это неожиданно позабавило. Если рассмеюсь вновь, меня приговорят к сожжению на костре, пригрозила она себе и развеселилась еще больше. Нет уж, пусть лучше отрубят голову – проверим, может ли отсеченная голова смеяться. Палач поднимет ее за волосы, а голова Минервы-Глории раскроет рот и нагло расхохочется. Тут же раздастся укоризненный хор зрителей во главе с графиней Сибил: «Фу, как неприлично! Леди не подобает вести себя так на собственной казни! За это мы похороним тебя вместе с шутом Менсоном, и ты будешь до скончания времен смот-

реть, как его призрак ковыряется в носу!»

Бекка ущипнула Миру:

– Не знаю, где ты летаешь, дорогая, но сейчас самое время вернуться. Молитва кончается.

Мира опомнилась как раз вовремя, чтобы вместе со всеми произнести: «Укрепимся же трудами и борьбою», – и изобразить пальцами в воздухе священную спираль.

Музыканты, расположившиеся на балюстраде, грянули увертюру. Мелодия звучала торжественно и нетерпеливо – казалось, оркестр утомился от долгого безделья. Освещение переменялось: часть ламп погасла, затенив края зала и оставив на свету середину. Гости сместились ближе к стенам, обнажив мозаичный паркетный пол.

Начинался бал.

По традиции, первый танец принадлежал императору. Музыка на время притихла, остался лишь вкрадчивый голос клавесина. Владыка Адриан поднялся на ноги и двинулся вдоль зала. Кому из девушек достанется честь королевского танца? Вряд ли это будет Валери. Хорошо бы, чтобы Бекка... но скорее всего, красавица Аланис. Молодая герцогиня почти не сомневалась в этом: с огоньком в глазах ожидала, пока император подойдет к ней. Однако он прошествовал мимо и направился в сторону Бекки с Мирой. Значит, выбрал южанку – прекрасно! Мира улыбнулась от радости. Именно Бекка заслуживает этого – очаровательная, веселая, умная,

преданная Бекка. Кто же еще?

Мира не сразу осознала происходящее. Она увидела императора, стоящего перед нею и подающего руку. Голубой алмаз пылал на зубце короны, чернели глаза. Мира двинулась в сторону – очевидно, она просто преграждает путь, владыке нужен кто-то за ее спиной.

– Леди Глория, – произнес правитель Империи, – подарите мне первый танец.

Я?.. Я?! Почему?!

Она даже приоткрыла рот, на самом кончике языка поймав это «почему?».

– Ваше величество...

Негнушмиися ногами Мира сделала шаг вперед и положила ладонь поверх его руки. Они вышли на середину зала – в слепящее сияние люстр, под перекрестье взглядов. Я не смогу. Все смотрят. Я споткнусь и упаду. Почему я?!

Запели скрипки, музыка взвилась к потолку. Адриан подхватил Миру, и все поплыло, завертелось, растаяло. Пропали люди – от них остался лишь пестрый туман. Был всемогущий мужчина. Так ужасающе близко – она чувствовала его дыхание, глядела мимо его плеча, чтобы случайно не встретиться глазами. Он кружил ее, почти нес на руках. Мира не смогла бы ни споткнуться, ни ошибиться в движении. Она парила в вихре, пол исчез из-под ног. Скрипки надсаживались и опадали, с пьяным азартом вступали свирели.

– Миледи, – мурлыкнул Адриан, – ведь вы сохраните в

секрете мою маленькую шалость?

Неужели я смогу сейчас говорить?! Однако ее язык бойко пропел:

– Боитесь, что это войдет в традицию?

– Конечно! Представьте – император при любом случае хватается за Эфес...

– И все девицы хохочут, как по команде.

– Будет чудовищно, да?

– Непереносимо, как формальные приветствия.

Она рискнула посмотреть ему в лицо. Глаза Адриана смеялись. Музыка плясала, взметалась волной.

– Ваша матушка лишена иронии. Вы совсем на нее не похожи.

Мысли плавилась и смешивались. Я – Минерва из Стагфорта. Я лгала вам, а вы меня оскорбили. Вы надменны и самодовольны. Вас хотят убить. У вас очень сильные руки.

– Ирония – не от матушки. Я подсмотрела у кого-то, мне понравилось, взяла себе.

Зал плывет мимо, текут лица, одежды. Люстры то разгораются, то меркнут – или это музыка вспыхивает и гаснет? У Адриана горячая ладонь, крепкие пальцы. Он улыбается – янмэйские ямочки на щеках.

– Вы красивы, миледи.

Когда-то она знала правильный ответ...

– Я всего лишь хорошо упакована.

– Вы красивы, когда вам весело.

– Я северянка, ваше величество. Мне не бывает весело.

Она сбилась с такта, Адриан пропустил полшага и подстроился под нее. Вихрь закружил Миру с новой силой. Скрипки, свирели, мужские руки, золото, искры... Замершее в бешеной пляске время.

И вдруг все стало стихать. Мира пропустила момент, когда музыка пошла на убыль, обратилась ласковым послесловием. Движения остыли, сделались медленней, замерли... И вот она стояла, прерывисто дыша, глядя мужчине в глаза.

– Благодарю за танец, миледи. Я рад, что вы здесь.

Царила тишина, и Мира знала единственно правильный ответ: «Благодарю, ваше величество, это честь для меня». Она прошептала:

– Будьте осторожны, ваше величество.

Он усмехнулся – на этот раз невесело.

– Я – император, миледи.

Мира прочла недосказанное: «Я не бываю неосторожен». Затем он оставил ее.

А позже Ребекка Элеонора из Литленда держала Миру за плечи и восклицала:

– Вы были прекрасны! Ты себе не представляешь. Великолепный танец!

Она вяло отнекивалась:

– Я сбилась... Неуклюжая корова.

– Тогда ты – лучшая из коров, сотворенных богами!

Леди Сибил оказалась рядом. Она собиралась что-то сказать, но все не находила слов. Мира моргала, пытаясь привыкнуть к перемене: в зале сделалось как-то тускло.

Затем вновь зазвучала музыка, кавалеры устремились за добычей. К Бекке подскочил молодой южный лорд, графиню Сибил пригласил Кларенс. Леди Аланис вышла на танец с отцом, леди Иона – с мужем. Возникали новые и новые пары, скоро зал ожил, запестрел движением. К Мире кавалеры подходили один за другим: оба императорских полководца, надеждинский дворянин, лорд из Дарквотера... Она хотела остаться у стены и перевести дух, но вскоре просто устала говорить: «Простите, милорд». Она сдалась западному графу с усиками – его как-то звали... Граф уверенно вел ее и осыпал комплиментами, она отвечала: «Благодарю, вы так добры». Музыка отчего-то была теперь много тише и медленней.

Владыка пропустил второй танец, а на третий пригласил Аланис Альмеру. Дерзкая дворянка выждала паузу, прежде чем согласиться и подать ему руку. Леди Сибил танцевала теперь с герцогом Айденом. Северная принцесса сбежала от мужа и кружилась с нарядным гвардейским капитаном, а граф Шейланд тоскливо глядел ей вслед.

Бекка и Мира не могли пожаловаться на нехватку внимания. Мужчины окружали их, едва только девушки оказывались у стены. Бекка танцевала с тою же грацией, с какой держалась в седле. Не диво, что находилось столько желающих составить ей пару. Впрочем, всем пришлось посторо-

ниться, когда южанку пригласил сам император. Он галантно отдал ей два танца и сгладил нарочитость того момента, когда предпочел Бекке новоявленную северянку.

О себе Мира никогда не сказала бы, что любит плясать. Собираясь на бал, она рассчитывала отделаться несколькими танцами. Но теперь ее приглашали вновь и вновь – и она соглашалась. Вино, азарт, шальное веселье владели ею. Было чертовски приятно находиться в центре внимания, получать комплименты, восторги, завистливые взгляды, опять и опять нырять в пестрый вихрь музыки. Она едва переводила дух, как уже кружилась вновь. Было жарко, она ощущала капельки пота на спине, знала, что щеки пылают... Щеки с янмэйскими ямочками, как у него... Адриан больше не приглашал ее. Мира, конечно, и не ждала этого. Ее партнеры сменялись, будто в калейдоскопе, она даже не давала себе труда запоминать имена. Лорды, офицеры, столичные щеголи, светские львы... Комплименты, шутки, нарочитая похвальба, попытки флирта – потом партнер сменялся, и все начиналось сызнова. Как музыка – она шла кругами, взметаясь и опадая, и вновь набирая силу...

Первое отделение бала завершали «цепочки» – озорной танец сродни хороводу. Под ним лежал какой-то религиозный смысл – «цепочки» означали, кажется, духовное единение Праотцов с Праматерями... или что-то еще в этом роде, Мира не помнила точно. На деле это была веселая пляска, увлекавшая всех, кто был в зале, невзирая на возраст и титу-

лы. Две сотни дам образовали цепочку у одной стены, две сотни мужчин – у противоположной. Под улюлюканье свирелей цепочки двинулись навстречу друг другу, приплясывая и прихлопывая. Вот они встретились, каждый мужчина подхватил даму под руку, дважды покружился с нею и отпустил. Цепочки прошли друг сквозь друга и откатились обратно к стенам. Тут начиналась забавная неразбериха: нужно было дважды поменяться местами с соседкой слева, вновь образовать цепочку и в нужный такт мелодии опять двинуться навстречу мужчинам. Цепочки сходились, кружились, расходились, смешивались в пестрой кутерьме, кое-как выстраивались и вновь сходились. Это было до того заразительно весело, что вскоре к танцу присоединились и пожилая чета из Дарквотера, и напыщенный полководец Короны, и полный Лабелин, и стеснительный Итан, и даже шут! Менсон бешено размахивал руками и тряс головой, бубенцы на колпаке неистово звенели. Встретившись с дамой, шут подхватывал ее на руки, кружил, подбрасывал в воздух и лишь затем отпускал. Несчастная Валери визжала, попав ему в лапы; близняшки-инфанты из Шиммери, наоборот, хохотали от восторга и норовили после перетасовки опять оказаться напротив шута.

Мира смеялась и плясала. Люди перемешивались вокруг нее – будто калейдоскоп лиц и платьев. Вот она между Беккой и уродливой дамой в зеленом, а навстречу скачет седой барон, при каждом шаге шумно вздыхающий: «Уф! Уф!

Уф!» Перетасовка – и Миру кружит огненно-рыжий молодец с веснушками. Хлоп-хлоп! Перетасовка! Рядом оказывается сам Адриан, но Мира разминается с ним и хватает под руку Виттора Шейланда. Он слегка медлителен, и Мира сама раскручивает его – давай же, быстрее, пусть голова закружится. Хлоп, хлопок, хлопок! Стена, неразбериха – и вот она меж Ионой и Аланис. Иона смеется, на бледной коже сияет румянец; Аланис встряхивает платиновой гривой. Хлоп – она между близняшками, а навстречу – виконт, капитан и шут. Близняшки кричат: «Я! Я! Я к нему!» – пытаются подвинуть всю цепочку, лишь бы встретиться с Менсоном... и в итоге шут достается Мире. Ноги отрываются от пола, она взлетает – уу-у-у-у-ух! Бывший заговорщик опускает ее, хрипло орет в такт музыке: «Ла-ла-ла! Трала-ла-ла!» Хлоп – и рядом леди Сибил... Хлоп – навстречу военачальник Алексис... Хлоп – молодой священник, хлопок – лорденыш во фраке, хлопок...

Но вот «цепочки» окончились, наступил перерыв между танцевальными отделениями. Музыка сделалась тише и медленней, разгоряченные люди переводили дыхание. Большинство гостей потянулись в банкетные залы. Мира не чувствовала голода. Чего действительно хотелось, так это кофе. И еще – дышать.

Вдоль правого крыла дворца шла анфилада комнат, предназначенных для отдыха. Они были почти безлюдны, а окна распахивались в летний вечер, впуская внутрь свежесть и

аромат вишневого цвета. Мира пошла вдоль анфилады, наслаждаясь запахом. Голова кружилась, в ушах шумела недавняя музыка. Несколько минут тишины и покоя – именно то, что было сейчас нужно.

– Леди Г... лория... – раздался знакомый голос.

– Итан! Я рада вас видеть!

– Вы п... позволите?.. – Секретарь смущенно опустил глаза.

– Составить мне компанию? Конечно. Я ищу кофе... Помогите мне напасть на его след.

– Это т... там, в чайной.

Итан указал в дальний конец анфилады, они неспешно двинулись вдоль череды распахнутых окон.

– По нраву ли вам бал, миледи?

– Бал прекрасен! До этого дня я не знала, что люблю танцы! Так жаль, что вы все пропустили.

– Я не п... пропустил. Моя служба длится во время формальных приветствий. Затем владыка отпустил меня.

– Тогда где же вы были? – удивилась Мира. – Вы обещали пригласить меня на танец!

– Я... – Итан округлил глаза с удивлением и даже испугом. – Как я мог?.. Вы – первая дама бала...

Она усмехнулась.

– Какая нелепица! Забудьте об этом и пригласите.

– Конечно, миледи.

Они миновали музыкальный салон. Тощая девица терзала

арфу, несколько молодых сударей и богатый старик слушали струнный плач. Прошли комнату игр. Гвардейский капитан и лорд из Надежды сражались в стратемы, полдюжины мужчин окружили стол, азартно обсуждая каждый ход. Мира завистливо вздохнула, проходя мимо. Она скучала по игре.

В курительной ошивались щеголи-студенты. Пара-тройка из них ринулись навстречу Мире, но она тут же взяла Итана под руку и скорчила самую надменную гримасу, на какую была способна. Хлыщи отстали.

Из следующей комнаты доносилось заманчивое журчание воды и пение птиц. Девушка поспешила туда и увидела водопад, сбегаящий с каменной горки в бассейн в полу. Кроны деревьев скрещивались над бассейном, пичуги голосили, облюбовав верхние ветви. Деревья были мраморными, птицы – механическими.

– Мой месяц в Фаунтерре, дорогой Итан, сплошь состоял из нелепиц, – сказала Мира, заглядывая в клюв серебряному соловью. Челюсть птицы монотонно ходила вверх-вниз, никак не согласуясь с мелодией. – Все, что происходит со мною, – либо недоразумение, либо абсурд. Скажите, что во мне не так?

– Не так?.. В вас все ч... чудесно, миледи! Вы п... прекрасны. Вы... – Итан замялся, подбирая слово. – Вы – живая.

Мира нервно рассмеялась. Я – живая? Половина меня умерла в Предлесье, а вторую половину перекрасили, переделали, завернули в чужую обертку и назвали чужим именем.

– Итан, ваши слова – очередной абсурд.

– Если не мне, то поверьте владыке. Он в... выбрал вас на первый танец, а он не ошибается в людях.

– Это случайность, Итан.

– В... вы в императорском дворце, миледи. З... здесь никто ничего не делает случайно.

Он умолк, услышав шаги. В комнату вошла компания сияющих молодых лордов, во главе их была леди Аланис Альмера. Красавица улыбнулась краем рта, заметив Миру. Неторопливо обошла водопад, небрежно погладила механического соловья, провела кончиком пальца по мраморной ветке. Каждый шаг казался выверенным и отточенным – словно Аланис исполняла фигуру очень медленного, вкрадчивого танца. Любое ее движение, похоже, служило лишь одной цели: подчеркнуть красоту девушки. Излом запястья, скольжение длинных тонких пальцев по мрамору, грациозная пластика шагов... Ее обувь из серебряных нитей была едва заметна на ногах, казалось, леди Аланис ступает босиком на цыпочках. В правой руке она держала кофейную чашечку. Полупрозрачный фарфор выглядел грубым на фоне ее пальцев.

– Леди Глория, я искала вас, – промурлыкала молодая герцогиня, лукаво склонив голову. – Так хотела поздравить с вашим крохотным триумфом, но – о жалость! – он оказался уже в прошлом.

– Миледи, – учтиво поклонился Итан, леди Аланис не гля-

нула в его сторону.

– Еще недавно вы танцевали с императором... как вот уже секретничаете в уголочке с безродным секретарем.

Щеголи из свиты хохотнули, губы Аланис тронула ехидная улыбка.

– Я полна сочувствия к вам, бедная леди Глория. Надеюсь, вы успели насладиться недолгой славой?

Она смотрела Мире в глаза. Очевидно, злость или обида на лице жертвы позабавили бы герцогиню. Однако Мира сегодня слишком устала от эмоций, чтобы ощутить еще одну.

– Впрочем, дорогая Глория, ведь вы не нуждаетесь в моих утешениях. Я заметила, вы успели обзавестись подругой. Милая низкорослая южаночка... она так прелестно улыбается, когда думает, что сказала нечто забавное. И почти не пахнет своими любимыми лошадьми.

Итан шумно откашлялся, пытаясь прервать насмешки, но леди Аланис вновь не удостоила его внимания.

– Кстати, о забавном. Что вас тогда так рассмешило? Уж не колпак ли нашего шута? У вас, бесспорно, тонкое чувство юмора.

Один из лордов вновь хохотнул. Мира сказала:

– Леди Аланис, позвольте задать вопрос. Ваш ответ доставит мне много радости.

– О, я всегда к вашим услугам, дорогая!

– Не скажете ли, где вы взяли кофе?

Леди Аланис опешила. Заморгала, растерянно глядя на

чашечку в своей руке.

– Вы говорите с герцогиней, а не горничной! – грубовато заявил кто-то из свиты, и Мира с большим удовольствием проигнорировала его.

– Вон туда, – махнула рукой Аланис. Ей почти удалось скрыть злость. – Возможно, кофе избавит вас от хмеля.

– О, вы так добры, дорогая! Идемте же, Итан.

Обходя Аланис, Мира тронула ее плечо кончиками пальцев. Герцогиня проводила северянку яростным взглядом.

Кофе оказался ароматней и слаще, чем тот, какой варили на Севере. Мира держала чашечку у губ, пахучий дымок поднимался вдоль лица. Она блаженствовала. Неловко устроившись около нее на краю диванчика, Итан говорил:

– Л... леди Аланис слишком много себе позволяет. Она ведет себя так, будто корона императрицы уже на ее голове.

– А это действительно решенное дело?

– Н... надеюсь, что нет, миледи. Если леди Аланис делается владычицей, основным долгом придворных будет глядеть на нее с восхищением и извергать фонтаны лести по первому щелчку ее агатовских пальцев. Улаживать государственные дела мы б... будем в оставшееся время – например, пока владычица спит.

– Почему император не отделается от нее? В конце концов, Агата – не Янмэй, это лишь четвертый род. И Альмерам служит огромное войско – насколько я знаю, это нарушение

брачных традиций Династии.

– Все верно, миледи. Но герцог Альмера – первый советник и сильный союзник императора. А владыке сейчас до крайности нужны союзники.

– Почему же?

– Император намечает большие реформы, вся жизнь империи должна перемениться. Вы ведь слышали о всеобщем налоге с доходов, о рельсовых стройках?

Мира кивнула.

– П... перемены никому не по душе, миледи, даже если это перемены к лучшему. А герцог Альмера, со всем своим богатством и войском, поддерживает реформы. И он – один из немногих. Император не может позволить себе разрыв с ним.

– Никто не любит перемен... – задумчиво повторила Мира. – А кому из придворных перемены особенно не по нраву?

Взгляд Итана стал внимательным и тревожным.

– М... миледи, вы так и не отказались от прежних мыслей? Все еще считаете, что кто-то собирается убить владыку Адриана?

– Скажу так... – Мира лизнула ароматную жидкость, помаковала на языке. – Кое в чем вы были правы, а я ошибалась. Владыка Адриан – хороший...

«Хороший человек» – вышло бы наивно и глупо, хотя именно эти слова просились на уста.

– ...Хороший правитель. Внимательный, умный, справед-

ливый. Едва ли кто-то сравнится с ним.

– Вот видите, м... миледи!

– Он – хороший правитель. Поэтому будет тем более жалко, если его убьют.

Итан не успел ответить. В чайную вбежала Бекка Южанка и всплеснула руками, увидав подругу:

– Так вот ты где! Глория, идем скорее в музыкальный салон – начинается чудесное представление. Сударь, приглашаю и вас! Это просто нельзя пропустить!

– Я теряюсь в догадках...

– Идем же! – Бекка подхватила ее под руку и увлекла за собой. – Валери Грейсенд будет петь!

– Она хорошо поет? – Мира попыталась вспомнить голос Валери. Кажется, он звучал неплохо: глубокий, грудной.

– О-о-о! – только и ответила Бекка.

Салон был полон людей. Окруженный группой придворных, восседал в кресле владыка Адриан. Мира поклонилась ему, он ответил легкой улыбкой, и девушке отчего-то стало теплее. Здесь находилась и леди Аланис со своею угодливой свитой. К счастью, она была занята перешептыванием с Северной принцессой. Граф Виттор Шейланд молча стоял позади жены и ласкал ее взглядом.

Валери Грейсенд занимала табурет перед клавесином. Она окончила фразу, прерванную появлением Миры:

– ...Сочинила сама, прислушавшись к голосу вдохновения, посланного богами. Я посвящаю ее лучшему, сильней-

шему, благороднейшему мужчине на свете. Да будет путь его озарен светом Звезды и Солнца!

Она пробежала пальцами по клавишам, клавесин исторг дрожащий меланхоличный звук. Голоса утихли. Валери проиграла вступление и, томно откинув голову, запела:

– Там, где встречается берег с бурной морской волной,
Я проводила юность наедине с мечтой.
Глядя, как бьются стихии в свете закатного дня,
Молила святую Софию благословить меня.
Нет ничего сильнее
Искренней детской мольбы –
Вмиг воплотилась в виденье
Книга моей судьбы...¹

Валери Грейсенд вкладывала в песню душу, пожалуй, с тем же напористым усилием, с каким кузнец лупит молотом раскаленное железо. На каждое второе слово падало истовое придыхание. Ударные рифмы были полны не то мучения, не то страсти. Мира начинала понимать, отчего пение Валери пользуется таким успехом.

...Бережно сохраняю писаную судьбой
Книгу о нашей встрече и о любви святой.
Тихим пером незримым, легкой изящной рукой
Вписано: «Будешь любимой, преданной станешь

---

¹ Здесь и дальше – стихи Юлии Барановской.

женой»...

Слова «судьба», «любовь», «жена» доводили певицу до подлинного экстаза. Ее глаза закатывались, грудь бурно вздымалась.

– Для нее брачная ночь уже наступила, – прокомментировала леди Аланис, и Мира не сдержала улыбки.

– Я буду ждать, сколько надо! И мне не нужен другой! – надсадно стонала Валери, выжимая из клавиесина все соки.

Песня была полна остроумных рифм, вроде «одной» – «с тобой», искусных метафор: «ты – мой лучик во тьме», метких сравнений: «расцветает, как цветок», тонких намеков: «я воспарю, словно птица, лишь бы парить с тобой». Кроме того, Валери обожала слог «ой» – им заканчивалась половина строк. Слушатели веселились от души. Северная принцесса едва сдерживала смех, граф Шейланд улыбался во все тридцать два, Бекка зажимала губы ладонью, чтобы не прыснуть от хохота. Мира теребила локоть подруги на самых забавных моментах, даже губы смурного Итана играли улыбкой. Валери не замечала ничего вокруг себя – видимо, она с головой (и со вздымающейся грудью) унеслась в мир мечтаний.

– Знаю: узришь меня ты с царственной высоты,
Сердцем воспримешь ценность истинной красоты,
Той, что таится в союзе верности и чистоты,
Робости, скромности, нежности, ласки и доброты.

На «истинной красоте» леди Аланис забыла о величавой маске и прыснула, как девчонка. Император не сдержал усмешки на долгом перечне достоинств, что приписала себе певица. Валери раскачивалась из стороны в сторону, не в силах сдерживать бурю чувств.

– Мы прочитаем вместе каждую из страниц:
Видишь, вот пара влюбленных в виде прекрасных птиц,
Видишь, вот тут я стораю в нежных твоих руках,
Здесь от беды спасаю, и мне неведом страх,
Вот наш сыночек играет, вот сделал первый шаг,
Вот, как цветок расцветает, дочка на наших глазах.

В «сыночка» и «дочку» певица вложила целый океан печальной нежности. Северная принцесса притворилась, будто смахнула с лица слезы умиления. Увидев это, Аланис хохотнула, а с нею и Мира, и Бекка, и полдюжины лордов императорской свиты.

– Только сила искусства может объединить мир, – шепнула Мире южанка.

Верно: слушатели были восхитительно едины в своем веселье.

– Пусть она поет перед враждующими армиями, – ответила Мира. – Полководцы обнимутся и заключат мир.

Бекка зажала рот рукой, а леди Аланис подарила Мире благосклонную улыбку.

Лишь один человек в салоне не разделял общих чувств – Серебряный Лис. Он слушал, полуприкрыв глаза, и, похоже, действительно восторгался глубиной чувства певицы. Покачивал головой, мечтательно хмурил брови и, конечно, сам становился предметом насмешек. Леди Аланис не постеснялась угадать его мысли:

– Ах, вот бы так пели обо мне! Ах, меня бы так любили!..

Всякому удовольствию рано или поздно приходит конец.

– ...Книгу любви безбрежной вместе прочтем с тобой! – завершила песню Валери Грейсенд, безбожно растянув «оо-о-о-оо-о-оу-о-ой!»

Слушатели разразились аплодисментами. Один из молодых щеголей попробовал свиснуть, но получил от приятеля тычок под ребра и захлопал вместе со всеми.

– Штука в том, – тихо пояснила Бекка, – чтобы Валери не догадывалась о своей бездарности. Она может оскорбиться и бросить петь, тогда мы все лишимся чудесного развлечения!

Молодая маркиза Грейсенд встала и раскланялась на четыре стороны. Владыка Адриан поднялся с кресла:

– Я лишь выражу общее мнение, леди Валери, если скажу: вы привели нас всех в восторг.

– Ах!.. – Певица, зардевшись, прижала ладони к груди. – Петь для вас – это божественное удовольствие! Я бесконечно счастлива, ваше величество!

...Потом были новые танцы, фигуры, партнеры.

Молодой дворянин из Надежды показался Мире очень милым, она пообещала себе запомнить его имя, но не сдержала обещания. Серебряный Лис был умелым танцором, но чего-то ему не хватало – возможно, озорства, свободы. Капитан лазурной гвардии, напротив, был слишком силен и орудовал партнершей излишне смело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.